

УДК 39:929

DOI: 10.17223/2312461X/30/14

ЭТНОГРАФИЯ ЭТНОГРАФА: АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ДАНИЛИН И ЕГО АРХИВЫ*

Дмитрий Владимирович Арзютов,
Лидия Андреевна Данилина

Аннотация. Настоящая статья посвящена жизни и деятельности советского этнографа Андрея Григорьевича Данилина (1896–1942). На основании документов из сохранившегося личного архива, а также частей «официального» архива, разбросанных по разным институциям, авторы ставят своей целью реконструировать его интеллектуальную, личную и полевую биографии. Второй целью исследования является реконструкция «архивного пространства» этнографа, а именно, как через отношения с разными людьми, бюрократическими инстанциями и порой вещами складывался его архив. Документальное многоголосье, а также персональная связь с главным героем (второй автор статьи – дочь этнографа) позволяет нам рассматривать наш эксперимент как историческую этнографию, которая содержит в себе некоторые элементы «включенного наблюдения». Соединение этих двух измерений мы предлагаем называть этнографией этнографа.

Ключевые слова: советская этнография, Андрей Данилин, Алтай, бурханизм, архив

Пропуск

Дмитрий Арзютов: Однажды я просматривал фотографии, выложенные в виртуальном сообществе «Город, которого нет» социальной сети «ВКонтакте». Каждый день в этом сообществе, посвященном истории Петербурга, появляются десятки новых фотографий старого города. Среди них я случайно обнаружил отсканированный пропуск в столовую Академии наук на имя А.Г. Данилина (рис. 1).

Сочетание «Академия наук» и «Данилин А.Г.» почти не оставляло у меня сомнения, что передо мной копия документа, принадлежащего Андрею Григорьевичу Данилину – известному этнографу-алтаисту и автору книги «Бурханизм» – единственного монографического описа-

* Мы считаем приятным долгом поблагодарить наших коллег Сергея Сергеевича Альмова (ИЭА РАН), Татьяну Николаевну Дмитриеву (ГМИР), Дмитрия Юрьевича Доронина (РАНХиГС), Анну Николаевну Копаневу (РЭМ), Светлану Викторовну Подрезову (ИРЛИ РАН) и Дмитрия Анатольевича Функа (ИЭА РАН), помогавшим нам своими советами во время работы над статьей.

ния религиозной ревитализации на Алтае первой трети XX в. Открыв страницу модератора группы, я тут же написал ему сообщение с вопросом о том, кто прислал этот документ? Не прошло и нескольких часов, как раздался зуммер – модератор любезно ответила, что эта фотография была добавлена Лидией Андреевной Данилиной. Лидия Андреевна – «это, должно быть, дочь Андрея Григорьевича!», – проскочило у меня в голове. Так и вышло. Как позже выяснилось, она выкладывала отсканированные копии документов из своего архива на «Яндекс.Фотки», а уже оттуда они «перекочевывали» на другие виртуальные площадки. Я тут же написал письмо Лидии Андреевне и спустя буквально несколько недель был уже у неё в гостях – она в тот год ненадолго приехала в Санкт-Петербург навестить родных. Лидия Андреевна не только рассказала мне о судьбе её отца, но и любезно поделилась теми материалами, которые сохранились у неё дома. После этого была не всегда регулярная, но долгая переписка, которая и привела нас к идеи опубликовать совместную статью.

Рис. 1. Пропуск Андрея Григорьевича Данилина в закрытую столовую АН СССР.
1930-е гг. (личный архив ЛАД)¹

Лидия Данилина: Я смотрела на архив отца как на уникальный источник того времени, которое частично застала и сама. Отца я помню не очень хорошо. Но читая его дневники и письма сегодня, а их сохранилось огромное множество, я каждый раз словно пересматриваю долгий фильм, в котором сотни персонажей, одни из которых мне прекрасно знакомы, другие – знакомы только по рассказам родителей.

Какое-то время назад я решила выкладывать сканированные копии фотографий и документов онлайн – ведь, многим было бы интересно увидеть ушедший мир 1920–1930-х. И вот однажды я получила письмо от Димы. Это было весьма неожиданно. Мы стали общаться сначала по переписке, а потом уже познакомились лично. Дима мне рассказывал о Данилине-этнографе, а я ему – об отце как человеке. Уже вскоре мы

встретились, и между нами завязались дружеские отношения, которые частично реализовались в замысле по написанию этой статьи.

До Димы с материалами отца немного работал Саша Решетов. Он брал некоторые дневники 1930-х, читал их, потом возвращал. Что-то из них, вероятно, попало в его статьи по истории советской этнографии. Работала с материалами и Лена Ревуненкова, которая совсем недавно опубликовала статью, где рассказала и о моей матери – Вильгельмине Герардовне Трисман (Ревуненкова 2018). До этого была книга на голландском, которую также на основании архива написала моя добрая знакомая Жанин Ягер (Jager 2012). Немного с личным архивом отца работала и Вера Дьяконова, которая в свое время помогала издавать его главную книгу – «Бурханизм» (Дьяконова 1993). Но, увы, о самом отце пока ничего не было издано. Столько осталось материалов, а его имя продолжает оставаться в тени...

Настоящая статья – продукт нашей коллективной работы по собиранию воедино архива А.Г. Данилина (и частично Л.Э. Каруновской). Дмитрий Арзютов как полевой антрополог, работающий в Сибири и на Севере и историк антропологии, работающий в российских и зарубежных архивах, сделал обзор материалов и постарался их контекстуализировать. Лидия Данилина, много лет читавшая документы Данилина, рассказала о жизни Андрея Григорьевича и об истории его личного архива, а также тех документах, которые там хранятся.

Оговоримся, что в статье дается минимальное количество ссылок на исследования, а основное внимание сосредоточено именно на архивных материалах. Мы рассматриваем нашу статью не только как своеобразный гид по разбросанным архивным коллекциям одного исследователя, но и как попытку написания этнографии одного этнографа через эти порой весьма запутанные сети документов. Эта работа о человеке, для которого «поле» и «архив» были едва ли не самыми важными понятиями во всей его интеллектуальной биографии. Андрей Григорьевич Данилин, его мысли, переживания, решения, действия, его семья и знакомые, а также жизнь того, что им было написано – дневники, письма, научные работы, – все это и составляет ткань нашего рассказа. Как мы покажем ниже, именно практики письма – личного дневника, в первую очередь, – были формирующими для личности Данилина. Папки его дневников – это не просто «свидетельства эпохи», а продукт и источник его субъектности (ср. Halfin 2003, 2011; Hellbeck 2006). Смещаясь из области социальной истории в область исторической антропологии, мы имеем возможность наблюдать и интерпретировать увиденное / прочитанное, пропуская это через свой опыт, через записи и воспоми-

нания рассказов своих родственников (Л.Д.) и коллег (Д.А.), что в совокупности может в какой-то мере напоминать «включенное наблюдение» – ключевой метод полевой этнографии, но взятый в его возможном историческом измерении, а сам анализ – этнографию этнографа.

Данная работа преимущественно написана на материалах личного архива А.Г. Данилина. Большинство материалов впервые вводятся в научный оборот.

Линия жизни

Андрей Григорьевич Данилин (1896–1942) родился в селе Красное Михайловского уезда Рязанской губернии в крестьянской многодетной семье. Отец Андрея Григорьевича – Григорий Васильевич – работал на железнодорожной станции, о матери – Анне Ионовне – почти ничего не известно. Судя по личным воспоминаниям, по разговорам с родственниками А.Г. Данилина, семья жила трудно. У Андрея были два брата (Иван и Петр) и три сестры (Клавдия, Елизавета и Пелагея). Двою из них сыграли довольно важную роль в жизни Андрея. Клавдия (или, как её называли в семье, Клавдя) стала этнографом, специалистом по дагестанской этнографии и проводила одну из экспедиций вместе с Андреем. Брат Иван стал крупным архитектором, начальником управления строительства Дворца Съездов – неосуществленного сталинского проекта. В 1951 г. он в числе других архитекторов был удостоен Сталинской премии 3-й степени «за разработку большепролётного шедового покрытия и способа его выведения».

Несмотря на довольно трудные условия, крестьянский дом Данилиных был полон книг, и чтение было важным для всех братьев и сестер.

Жизненный путь Андрея Григорьевича, как и многих его ровесников, пролегал довольно извилисто. После школы он окончил Учительскую семинарию, где особенно увлекся внешкольным образованием. Позже поступил в Училище торгового флота в Ростове-на-Дону. Прослужив два года в каботажном плавании на Черном море, простился с морской специальностью в Одессе в 1917 г., где он познакомился с культурой большого города – театры, музыка, лекции – и интересными людьми и их революционными настроениями (рис. 2). Живя в этом пространстве, у Андрея появилось желание продолжить образование, и Москва казалась одним из тех мест, где можно было реализовать свою мечту. Эта мечта превращалась в явь немного необычно – через экспедиции. 1921–1922 гг. он вместе с друзьями проводит в авантюрной экспедиции в Туркестане, которая имела, главным образом, этнографический интерес. Этнографические дневники той экспедиции А.Г. Данилина сохранились в архиве МАЭ почти полностью (тетради № 3–8 по нумерации автора) (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 38, 39, 41, 43–46).

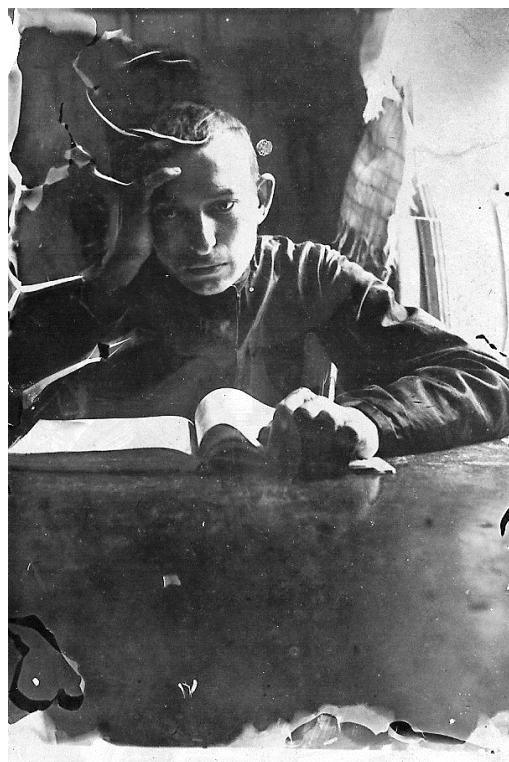

Рис. 2. Андрей Григорьевич Данилин. 1918 г.

В своём дневнике (7 июля 1921 г.) он упоминает о разговоре с С.Ф. Ольденбургом² и интересуется экспедицией Козлова:

«С.Ф. говорит, что П. Козлов³ – в Москве. – «А как его экспедиция? Да едва ли, не дадут возможности выехать за границу. Да еще всё в периоде организации. И я живо представил себе нашу организацию экспедиции. Ну, у него наверное есть деньги».

Здесь нужно сделать небольшое уточнение, что осенью 1921 г. С.Ф. Ольденбург полностью меняет стратегию экспедиционных работ в Советской России. Если во второй половине XIX – начале XX в. Русское географическое общество курировало все виды экспедиционных исследований на территории Российской империи и за её пределами, то в октябре 1921 г. С.Ф. Ольденбург создает специальную структуру – Комиссия по экспедиционным исследованиям, которая переподчиняет всю экспедиционную деятельность набирающей властный ресурс «империи знания» Академии наук (см. подробнее: Андреев, Юсупова 2001: 54; Arzyutov and Kan 2017: 53–54). Немного позже Ольденбург будет продвигать даже идею «Бюро этнографических экспедиций РСФСР»,

что было своеобразной альтернативой Специальной комиссии по изучению союзных и автономных республик, которая возникла в 1926 г. и возглавлялась академиком А.Е. Ферсманом⁴. А.Г. Данилин со своей коллегой и первой женой Лидией Эдуардовной Каруновской позже будут публиковать небольшие отчетные материалы по экспедиции в Ойратии на страницах официального вестника этой комиссии – «Осведомительного бюллетеня».

Хранящиеся в семье личные дневники дают некоторую информацию относительно жизни А.Г. Данилина в это время. 7 июля 1921 г. Андрей Григорьевич пишет об огромном желании присутствовать на Третьем конгрессе Коммунистического интернационала, который проходил в Москве 22 июня – 12 июля 1921 г., вспоминает, как он был в Екатеринбурге, затем – был корреспондентом РОСТА (Российское телеграфное агентство). Письма к родным и близким довольно прямо говорят, что положение его семьи оставалось тяжелым. Из письма его брата Ивана (30 июня 1921 г.), который уже жил в Москве и был погружен в дискуссии о конструктивизме в архитектуре, становится ясно, что другого брата – Петра забирают в Красную Армию, Андрей и Иван – вдалеке от родных, а отец оставался единственным мужчиной в деревенском доме. Из письма Петра (14 июля 1921):

«А дома на зиму совсем помирать будут. Хлеба у нас скоро совсем не будет, а рассчитывать и надеяться не на что. Может, ты».

Получив письмо, Андрей пишет в своём дневнике (21 июля 1921):

«Получ[или] мы грустных вестей из дома. И сразу мысль, старая, давно уже решенная: хорошо ли, что бросил всех на голодную смерть? Это – заботит и теперь и нет сил говорить: я делаю правильно. Ведь, кто любит отца свое [нрзб.] меня» и т.д. и опять я остался с прежними сомнениями...».

Вернувшись в Москву, он все еще некоторое время оставался без работы. Но уже в 1922 г. ему удается поступить в Географический институт (жизнь института он описал в 1928 г.: СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 103). Обучение (1922–1926 гг., защита диплома в 1927 г.) и работа были на два города, что заставляло Андрея почти постоянно находиться в дороге. В 1923 г. умирает мама Андрея Григорьевича. Для семьи это был еще один удар. Сохранились письма этого времени к отцу, брату Ивану и сестрам – в них повторяются взаимные слова поддержки, которые были так необходимы всей семье в тот тяжелый период времени.

В 1923–1924 гг. Данилин – сотрудник Центрального бюро краеведения, а 1925 г. ненадолго даже становится заведующим Музеем Центрально-промышленной области (ЦПО). В том же 1925 г. Андрей Григорьевич едет в экспедицию в родную Рязанскую губернию, вероятно,

по направлению Музея ЦПО (Данилин 1926а, 1926б). В этой экспедиции он изучает крестьянскую одежду (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 104; МАЭ № И-1323), о чем спустя два года публикует небольшую статью (Данилин 1927б).

Обучаясь в ЛГУ, Андрей знакомится с Лидией Эдуардовной Каруновской (1893–1975, о ней см.: Решетов 1997), чьё обучение в университете уже шло к концу. Начало личных отношений привело к оседанию Андрея в Ленинграде после окончания университета в 1926 г. и свадьбе, сыгранной в том же году. По воспоминаниям, фотографиям и разного рода личным документам можно сказать, что личная жизнь Лидии и Андрея (1926–1934 гг.) была счастливой, а сам союз невероятно гармоничным, хотя и относительно недолгим – около десяти лет совместной жизни. Оба они были влюблены друг в друга и разделяли одни интересы к музыке, театру и, конечно же, этнографии.

Примеру брата последовала и Клавдия, которая поступает также на географический факультет, где специализируется по этнографии и лингвистике Кавказа, активно занимаясь у Н.Я. Марра. В 1926 г. Андрей и Клавдия Данилины вместе с молодой женой Андрея Лидией Каруновской отправляются в Дагестан (Данилин 1926в; ср.: Данилин 1931б)⁵, где Клавдия изучает положение женщин (см. продолжение её исследования в Грузии (Аджария): Данилина 1932). Для Андрея это была единственная этнографическая поездка на Кавказ, а для Клавди – начало профессиональной, но, увы, недолгой карьеры кавказоведа. В.П. Дьяконова также отмечает, что в 1926 г. «в составе Крымской экспедиции он (Данилин. – Авт.) проводил комплексное изучение крымских болгар, входил в авторский коллектив ГИИМК им. Н.Я. Марра по изданию этнографического альбома Западной Украины и Западной Белоруссии» (Дьяконова 1993: 5).

Среди основных университетских наставников Данилина были Д.К. Зеленин⁶ и В.Г. Богораз. В личном архиве А.Г. Данилина сохранились некоторые конспекты лекций Богораза, которые не могут не создать у читателя своеобразное чувство присутствия в момент рождения во многом экспериментальной этнографии. Это может напомнить яркие фрагменты о лекциях Богораза и Штернберга, приведенные Н.И. Гаген-Торн в её знаменитой книге (1975).

В летние месяцы 1927–1929 гг. Данилин вместе с Лидией Каруновской начали полевую работу на Алтае / Ойротии в рамках Ойротской комплексной экспедиции АН СССР (см.: отчетные материалы (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 101) и дневники за 1927–1929 гг.) (МАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 2; СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 102) (описание фотографий и вещей, привезенных из экспедиции, см. ниже) (см.: Данилин 1930б) (рис. 3, 8), а зимой 1927–1929 гг. он работал заместителем секретаря Комиссии по изучению народной музыки Географ-

фического общества (см.: Данилин 1928а). Эта работа в области музикования была не случайной, так как сам Андрей Григорьевич очень хорошо играл на скрипке и активно собирал музыкальный фольклор во всех своих экспедициях (рис. 4–6).

Рис. 3. По дороге в первую алтайскую экспедицию.
В окне поезда – Лидия Эдуардовна (в косынке). 1927 г.

Рис. 4. Запись песен на фонограф. Улус Индигеш, [26 августа] 1928 г.
(см. список ниже и ср. ФА ИРЛ 4703.01-03, один из детей, возможно, Егор Серкин)

Рис. 5. Запись песен на фонограф у цыган. Улус Индигеш. 1928 г.

Рис. 6. Запись песен на фонограф у телеутов. 1928 г.

Говоря о музыкальной биографии Данилина, нужно сказать, что в его личном архиве сохранилась афиша отчетного концерта самодеятельного симфонического оркестра Выборгского дома культуры, датированная 22 апреля 1937 г. Андрей Григорьевич входил в состав оркестра (ср. рис. 7). В семье и сейчас помнят, что Данилин был увлеченным поклонником классической музыки, а также заядлым театралом. Более того, разбирая его фоновалики в Пушкинском доме, один из авторов статьи обнаружил запись, где Андрей Григорьевич декламирует стихотворение В.В. Маяковского «Иду. Мясницкая. Ночь глуха...» (ФА ИРЛИ 4704.01). Видимо, все это и позволило Данилину проявить себя в том числе как музыкальному этнографу. Позже он опубликовал небольшую заметку о музыкальной этнографии алтайцев (Данилин 1936в, см. также: Данилин 1927а, 1928а).

Все это удавалось в перерывах между экспедициями и написанием отчетов. Так, вернувшись из первой своей алтайской поездки 1927 г., уже 10 мая 1928 г. он делает доклад «Материалы по бурханизму у алтайцев и телеут, собранные летом 1927 г.» на Радловском кружке МАЭ – официальный семинар МАЭ, посвященный преимущественно тюркской и турецкой этнографии.

В конце 1920-х Данилин проводит в «поле» больше времени, чем дома.

Рис. 7. Андрей Данилин играет на скрипке среди телеутов улуса Крутой. 1929 г.

В 1928 г., не успев вернуться с Алтая, А.Г. Данилин тут же отправляется к вепсам Ленинградской области (некоторые материалы этой экспедиции сохранились в СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 4. Ед. хр. 80, 82⁷ (фотографии)). В тот же год он публикует обзорную статью о сноповой сушке хлеба у славян (Данилин 1928б). В 1929 г. Данилин и Каруновская посещают телеутов и алтайцев и привозят от них как коллекции вещей, так и фотографии. О судьбе одной коллекции мы расскажем подробнее ниже.

Краткие отчеты об экспедициях к алтайцам и телеутам Данилин и Каруновская публикуют в «Осведомительном Бюллетене ОКИСАР АН», который сегодня является библиографической редкостью (см. следующие выпуски бюллетеня: 1927, № 17, 19; 1928, № 1/38, 15/52, 16/53, 17/54, 18/59; 1929. № 14/75, 17/78) (об этом издании см.: Arzyutov and Kan 2017: 54).

Рис. 8. Андрей Данилин и Лидия Каруновская. 28 июля 1929 г. Алтай.

Жизнь Данилина в этот послеуниверситетский период поражает сходством с нашим временем. Андрей долгое время оставался без постоянной работы, перебиваясь разного рода краткосрочными контрактами. Это фрагмент одного из многочисленных писем в разные инстанции с целью найти работу по профессии (датировано 10 октября 1929 г. и направлено в Союз научных работников):

«Скоро пройдет три года как я окончил Этнографическое отделение геофака ЛГУ [...] за это время я неоднократно обращался к руководителям ленинградских этнографических учреждений с просьбой дать мне оплачиваемую работу по специальности. Но ответом со стороны руководителей этих учреждений был совет подождать. Временную же работу я выполнял: участвовал в научных командировках и экспедициях, работал «сдельно» в Русском музее и КИПСе и т. п. В качестве постоянного заработка имею в среднем 30 рублей за руководство экскурсиями в этнографические музеи».

Ответ был через четыре месяца (13 февраля 1930 г.):

«Ваше ходатайство о предоставлении работы в Академии наук отклонено ввиду отсутствия соответствующих вакансий».

Несмотря на отсутствие работы, Данилин продолжает писать. Он обрабатывает алтайские полевые материалы и пишет сразу несколько статей. Это – статья «Одежда алтайцев» (1930 г.) (черновик: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 108), которую несколькими годами позднее он перепишет и расширит, изменив название на «Одежда алтайцев и телеут» (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 20), а также «Обработка кожи у телеут» (1929–1939) (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 19) и «Жилище алтайцев и телеут» (1927–1929) (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 1).

В период с 1930 по 1932 г. Андрей Григорьевич Данилин работает научным сотрудником Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) (см. его заметку: СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 105; см. также: Данилин 1930), а в 1931–1933 гг. – научным сотрудником Института по изучению народов СССР (ИПИН), который позже войдет в состав Института этнографии.

В 1930 г. он совершает экспедицию в Боровичский округ Ленинградской области в рамках так называемых «колхозных экспедиций», т.е. полевого этнографического и экономического исследования только что появившихся колхозов (см. материалы: СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 106, 107; СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 228). По итогам этой поездки Данилин пишет статью «Первые шаги колхозов бывшего Боровичевского округа» (Данилин 1931а, 1931в). Как пишет Станислав Петряшин, подобные поездки были подчинены экспозиционной работе для отражения типичных / средних районов, позволяющих отразить «советскую современность» (2018). На это также указывает и тот факт, что в это время А.Г. Данилин публикует обзоры об экспозиционной и научной деятельности музеев на Северном Кавказе и в Тульской области (Данилин 1931б, 1931г, 1932б).

В 1933 г. Андрей Григорьевич на очень непродолжительный период времени переходит на работу в МАЭ на должность заведующего политпросветотделом, но уже в ноябре 1933 г. становится сотрудником

(по договору) Этнографического отдела Государственного Русского музея, который вскоре был переименован в Государственный музей этнографии (ГМЭ, ныне – Российский этнографический музей). В этот же год он участвует в работе Всесоюзного географического съезда (11–19 апреля 1933 г.), о чем пишет обзор для «Советской этнографии» (Данилин 1933). Однако, в это же время начинается разрыв отношений с Лидией Эдуардовной Каруновской…

В Ленинград через Коминтерн приезжает индийский революционер и этнограф Вирендранат (Бирендранатх) Чатопадая (Чаттопадхьяя) (Virendranath Chattopadhyaya, वीरेन्द्रनाथ चत्तोपाध्याय), или как его называли друзья в России, – Вирен, или Чатто, который в 1933 г. получает работу в Институте этнографии – МАЭ (АВ ИВР РАН. Ф.138. Оп. 1. Ед. хр. 48; см. о нем: Baruwā 2004; Решетов 1998). Лидия Эдуардовна увлеклась новым сотрудником, что стало сильнейшим потрясением и для нее самой. Личные документы говорят о всех перипетиях и непростых решениях, которые необходимо было принять. В итоге было решено сохранить дружеские отношения.

Несмотря на все сложности личной жизни, в это время у Андрея Григорьевича начинает складываться карьера в ГМЭ. В январе–мае 1934 г. он состоял сверхштатным научным сотрудником по выставке «Ленинградская область и Карелия», в 1935 г. становится младшим научным сотрудником с обязанностями курирования научного архива, а в 1936 г. он – старший научный сотрудник отдела Украины, где он собирает материалы для выставки о Бессарабии и Буковине (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 804), и заведующий научным архивом. Ему – 40 лет (см. рис. 9).

В это время Андрей встречает свою будущую жену – Вильгельмину Трисман (Wilhelmina Triesman), голландку, которая эмигрировала в революционную Россию в 1925 г. Вильгельмина, или, как её называли близкие Вилли, по приезде в постреволюционный Петроград не могла найти работу и вынуждена была вначале трудиться галошницей на фабрике «Красный треугольник», чтобы хоть как-то прокормить себя и сына Михаила, рожденного в её первом браке с русским моряком Тимофеем Рязанцевым. Уже вскоре, пройдя обучение на рабфаке, ей удаётся поступить в Восточный институт, где преподавал Чатопадая. Именно благодаря этому знакомству сложился четырехугольник друзей, а впоследствии двух пар – Андрей и Вилли, Лидия и Вирен (о Трисман см.: Jager 2012; Ревуненкова 2018).

В это время Андрей Григорьевич становится секретарем редакционно-издательского бюро ГМЭ – в музее, в котором он проработал до самой своей смерти в 1942 г. (личное дело А.Г. Данилина: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Ед. хр. 43).

Дневник этого времени содержит немало этнографических записей жизни Ленинграда.

Рис. 9. Андрей Данилин в квартире Лидии Каруновской на Невском проспекте. 1938 г.

2 апреля 1937 г.:

Интересную картину наблюдали мы. Идем (Вилли, Минна [подруга семьи. – Авт.] и я) – видим нечто необычное. У одного магазина – «живая очередь» в неск[олько] параллельных рядов, в у дверей – просто куча. Все стремятся к двери. Теснота – невозможно представить себе! И над всеми – белый дым! Мы думали, что это пожар (серьезно!) в магазине. Оказалось же: это пар от разгоряченных любителей велосипедов (ибо очередь была к магазину спортивных принадлежн[остей]). Первый ряд, стоящий у стены магазина, взобрался на перила витража и стоял над толпой. Нужно было видеть их лица! Усталые, бледные или красивые, льется пот. Крики: «тов. милиционер помогите!».

Эти картины выживаания перемежаются письмами из «поля». Так, буквально через шесть дней Данилин получает письмо (8 апреля 1937) от своего старого алтайского знакомого Сергея Максимова, в котором среди описаний арестов в Ойротии (как представляется, он не осозна-

вал масштаба и причин, лишь уточняя, что кого-то выявили «троцкистом») пишет и о своём сыне Клименте, который хочет пойти учиться в художественную школу. Среди прочего он добавляет и одну просьбу от себя:

«Ан[дрей] гр[игорьевич] я тебя пошло 250 р. а вы *вседаки* кувите мне велосипеда и пошлете мне здесь нет не ките кувить» (сохранены стиль и орфография оригинала, курсив наш. – *Авт.*)

Увы, мы не знаем, удалось ли Данилину штурмовать человеческие стены перед ленинградскими магазинами, чтобы добыть велосипед. Дневник об этом не говорит. Но мы знаем, что Данилин и Трисман распахнули двери их дома для Клиmentа, который жил у них довольно долгое время, а позже смог поступить в художественное училище в Павловске, сохранив тесные дружеские связи с семьёй этнографов.

В это время Андрей Данилин почти все своё свободное время находится за рабочим столом, заканчивая «Бурханизм». Первоначально задуманная как кандидатская диссертация, она должна была увидеть свет и как отдельная монография. В силу разных обстоятельств, о которых мы скажем отдельно ниже, издание книги произойдет только через 50 лет после защиты диссертации в 1940 г. в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена.

Уже летом 1937 г. происходит то, что мы почувствовали при чтении дневника за несколько предыдущих лет...

19 июля 1937 г.:

«Был в Музее [ГМЭ. – *Авт.*], вызывают зачем-то. Прихожу – вот так новости! Арестованы Супинский и Таланов! Делами заправляет Шарадутдинова [?]. Летом оказывается была резкая статья, написанная кем-то из райкомовцев, и вот результаты. Поговорил об издательских планах – куда тут Сборник (в 30 листов!). Это явно нереально. Архив научный в моё отсутствие опечатали, теперь будем в комиссии пересматривать все содержание».

Следующий день – 20 июля 1937 г.:

«Была Лида. Удручающая новость: Вирен арестован. Мы пошли гулять, и маленькая Лидушка хоть немного смягчала горе Лиды. Мы же что могли сказать? Мы с Лидией одинаково трезво взвешиваем возможные причины такого политич[еского] шага правительства по отношению к индусу-эмигранту, более 30 лет не видевшему родных. Но Вилли – переживает «от сердца», и это делает честь её свежести [?], непосредственности».

Другие фрагменты дневника говорят, что он до конца не мог понять, что происходит вокруг. Впрочем, история ареста Вирена, точнее его конфликта с И.Н. Винниковым, Д.К. Зелениным и другими коллегами в МАЭ / ИЭА, была ему хотя бы косвенно понятна. Уже после ареста

Вирена была собрана комиссия при ИЭА, о которой Данилин записывает в дневнике следующее (25 июля 1937 г.):

«Спрашивали всех поодиночке, знакомились с материалами. Лида с радостью ждала оргвыводов. Она, кажется убедительно доказала, что тут дело не в «склоке», а гораздо глубже, в борьбе небольшой части советски-настроенных ученых с реакц[ионными] осколками маторинщины (Винн[иков], Вишнев[ский] и др. Вирен показал документы, изобличающие (впрочем, давно всем известные) отрицательные черты Винникова (плагиат, отношение к наследию Моргана, и ученному Стэрну⁸ из Америки). Он также показал нам (всользь) одно место из обширного документа, направляемого им в секретном порядке в комиссию (тоже о Винникове)».

«Маторинщина». Характерное словообразование эпохи. Одно из первых звеньев в этой страшной цепи взаимных подозрений и доносов, культивировавшихся в МАЭ / ИЭА. Двумя годами ранее, когда в январе 1935 г. арестовали Н.М. Маторина (Решетов 2003) – бывшего директора Института этнографии, Данилин задавался скрытым между строк вопросом: «а если мы и правда чего-то не знали?»... Отвечать на этот вопрос Андрей, впрочем, не решался. Возникал какой-то вакуум. Еще до ареста Вирена в феврале 1937 г. Лидия Каруновская, осознавая невыносимость своего и Вирена положения в МАЭ / ИЭА, вызванного доносами, подозрительностью и т.д., пишет заявление в НКВД, «что у них в Ин[ституте] резкое искривление политич[еской линии?], описав все безобразия». Ответ доносом на донос, вероятно, казался единственным средством, выводящим, однако, сам конфликт в несколько иную плоскость. Лидия обсуждает это с Андреем, о чем он пишет в дневнике (29 февраля 1937 г.):

«Я сначала пробовал отговаривать Лиду от участия в «склонах» музыкальных, но потом, когда она решительно заявила, что не желает терпеть, равнодушно или трусливо прятаться от злоупотреблений, а хочет бороться, чего бы ей это не стоило, я увидел, что действительно она права. Вирен говорит, что он давно бы ушел из ИАЭ, но не хочет оставить Лиду одну, на съедение. Ибо, действительно, она теперь совершенно одинока в Ин[ституте], все против нее. И я думаю с тоской: ужасно, никому верить нельзя, нужно уметь у всех видеть подлинное нутро. Увы, я не могу этого, не способен».

Продолжение методичной фиксации событий вокруг себя, вероятно, как-то успокаивало А.Г. Данилина. Вот лишь фрагмент такой автоэтнографии с обращением к своему читателю в будущем – дочери Лидии, соавтору настоящей статьи:

«11 авг[уста] 1937. С утра очередь. Удача: 1 кг риса, 2 кг сахара (очередь относит[ельно] небольшая, встал второй раз – и получил) и 2 десятка яиц. Так обеспечены будем на неделю, если же поеду в Валдай... придется

еще раза два постоять. Ничего, погода хорошая. А как интересно наблюдать быт очереди! Все занимают одновременно две-три очереди и бегают от магазина «мясного» к «сахарному», оттуда к «яичному», наведаться, не забыли ли их соседи по очереди. Когда есть уверенность что товару много и всем хватит – настроение у всех веселое, много оживления. А если мало – тут и пойдут ссоры, склоки, до рукопашной. Лидушка⁹, когда ей придется 20 лет спустя, читать это, будет удивляться и сравнивать свой быт с бытом родителей. Да, история на наших глазах, и бытовые черточки не теряют своего значения».

В мае 1941 г. он должен был бы отправиться в экспедицию в Украину (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 839), но в июне Андрей Григорьевич будет в Ленинграде, который его семья сумела покинуть в первые дни блокады.

Собирая архивы и коллекции вместе

Незадолго до смерти в первую блокадную зиму, будучи уже совсем слабым, Андрей Григорьевич на санках перевез свой архив (сотни тетрадей своих дневников, коллекции фотографий и десятки папок научных работ) в квартиру Лидии Эдуардовны, своей первой супруги. Хранить дневники в своей квартире ему казалось довольно опасным, тем более, что в соседний с Данилинами дом на Серпуховской улице попала бомба. Вильгельмина Герардовна с детьми Владимиром и Лидией уехали в эвакуацию (рис. 10). Её сын от первого брака Михаил был мобилизован и в 43-м ранен под Ленинградом, проведя последующие месяцы вплоть до конца войны в госпитале. Квартира Каруновской казалась более безопасной... Как и многие другие коллеги Андрея Григорьевича, он переехал жить в музей, что было официальным решением руководства и вместе с этим немного облегчало страдания и лишения. Лидия Эдуардовна в это время жила по другую сторону Невы, в подвале другого музея – Музея антропологии и этнографии. Видя, как Андрея покидают силы, она готовила ему «супчик» (как она писала в своих письмах) и носила через мост из МАЭ в ГМЭ. Спасти Андрея было невозможно. Не слишком крепкий здоровьем и прежде, он угасал буквально на глазах и 12 февраля 1942 г. скончался от дистрофии (или колита: Груздева 2013: 39) на работе в ГМЭ. Лидия Эдуардовна была рядом с ним до конца. Из письма Евгении Эдуардовны Бломквист Надежде Павловне Гринковой (13 февраля 1942 г.):

«Вторая партия [эвакуации] намечена между 15 и 18, по-видимому, будет массовый выезд, только не все дождутся. Так, Лидия Эдуардовна, упорно не хотевшая эвакуироваться, решила ехать, чтобы спасти Данилина, она помогала ему последнее время, подкармливала его, но не удалось дотянуть; он все время был бодр и жизнерадостен, как всегда, я часто видела его в нашем бомбоубежище, но дня 3-4 [назад?] он слёг, Ли-

дия Эдуардовна с трудом довела его до вашего Музея, последнюю ночь она была с ним, и вчера ночью (на 12-е) он умер на её руках там, в бомбоубежище том» (Груздева 2013: 35).

Вскоре Л.Э. Каруновская смога эвакуироваться в Ташкент вместе с другими коллегами.

Рис. 10. Последняя фотография А.Г. Данилина с семьей. 30 июня 1941 г.
На обороте надпись: «Вся семья вместе и душа на месте»

В личном архиве семьи Данилиных-Трисман сохранилось письмо Л.Э. Каруновской из Ташкента к В.Г. Трисман от 25 февраля 1943 г., т.е. через год с небольшим после смерти А.Г. Данилина. Она пишет:

«Милая Вилли,

[...] Относительно твоих дипломов – я уже писала, что целую пачку разных бумаг я забрала в Институт (этнографии. – *Авт.*), вместе с дневниками Андрея – в стенах Академии наук их сохранность все же более надежная, какие именно из бумаг там, я тебе сказать не могу, потому что не помню. Когда я переправляла [нрзб.] книги в Акад[емию] наук я сама уже была настолько слаба, что еле держалась на ногах, а разбор и переправка книг Андрея оказали на меня очень тяжелое действие – я еще больше обессилила. Когда я после болезни, через месяц после смерти Андрея, явилась с ключом от него в квартиру вашу и с управхозом вошла, впечатление было такое, что это не жилое помещение – на полу и кроватях разные тряпки, чужая кровать. Дрова соседей и т.д.».

Вероятнее всего, что именно Л.Э. Каруновская была первым человеком, кто приводил архив Андрея Григорьевича в порядок. Надо сказать, что педантичный к хранению собственных документов, Данилин держал свои записи и дневники в идеальном порядке. Его страсть к архивированию и классификации очень хорошо видны при работе с его личными дневниками. Их, как и этнографические дневники, А.Г. Данилин рассортировал сам (АМАЭ РАН. Ф. 15). Как следует из письма Каруновской к Трисман и рассказов Каруновской Лидии Андреевне Данилиной, она накануне своей эвакуации перевезла все документы из квартиры в МАЭ.

В то время, когда стал формироваться архивный фонд МАЭ, Илья Яковлевич Треногов, отвечавший за курирование архивных документов по разным отделам в 1962 г., составляет список архивных материалов А.Г. Данилина (Жуковская: АМАЭ РАН. Ф. 15, предисловие к описи). Вероятно, что в этом разборе документов принимали участие Л.Э. Каруновская и В.Г. Трисман. В середине 1960-х гг. Лидия Эдуардовна передает личные документы и тетради А.Г. Данилина его дочери, которые и сейчас хранятся у неё в Санкт-Петербурге и частично в Амстердаме. За эти годы архивом Данилина в МАЭ пользовались исследователи, но опубликована была лишь его незначительная часть. Это, прежде всего, сокращенный вариант книги «Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения в Ойротии», вышедшее с предисловием Веры Павловны Дьяконовой – этнографа-алтайста и близкой коллеги Л.П. Потапова (Данилин 1993). Помимо этого, алтайские коллеги опубликовали несколько бурханистских текстов, записанных Данилиным в «поле» (Екеев 2004). Такова самая общая история архивной коллекции А.Г. Данилина. Однако собрание МАЭ не исчерпывает всего корпуса документов Андрея Григорьевича. Обратимся к другим частям архива.

Личный архив. Он сохранился благодаря Л.Э. Каруновской и В.Г. Трисман. Это 177 папок с документами, которые представляют собой тетради, в которых записаны события прошедших дней, листы которых зачастую переложены письмами, вырезками из газет, афишами, билетами на концерты и т.д. В силу того, что все папки были пронумерованы (вероятнее всего, самим Андреем Григорьевичем), мы могли заметить, что в этой коллекции отсутствует несколько папок: с 4-й по 8-ю. Будем надеяться, что они будут однажды обнаружены.

Следующим крупным собранием следует считать *коллекции архива, фотоархива и вещевое собрание Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН* – это, прежде всего, материалы полевых исследований и некоторые черновики статей. В собрании этого же музея имеется большая коллекция фотографий и негативов исследователя, а также материальных предметов, привезенных из экспедиций.

Ниже мы приводим краткий указатель фотоколлекций Данилина и Каруновской.

Номер коллекции	Народ	Год поступления	Место ¹⁰	Количество изображений	Краткое описание
МАЭ № И-1324	Крымские татары	1923	Крым	21 (негативы)	Жилище, одежда, занятия
МАЭ № И-1323 ¹¹	Русские	1925	Рязанская область	12 (негативы)	Постройки, рыболовство, лесорубы
МАЭ № И-1322	Аварцы	1926	Республика Дагестан	6 (фотографии)	Одежда, жилище, домашние работы
МАЭ № И-4120	Телеуты	1927	Республика Алтай	99 (негативы)	Жилище, поселения, хозяйство, бурханизм, занятия
МАЭ № И-4121	Алтайцы	1927	Республика Алтай	70 (негативы)	Жилище, поселения, хозяйство, бурханизм, занятия
МАЭ № И-4122	Алтайцы	1927	Республика Алтай	24 (негативы)	Жилище, бурханизм
МАЭ № И-4123	Телеуты	1928	Кемеровская область	10 (негативы)	Строения, портреты
МАЭ № И-4124	Алтайцы	1928	Республика Алтай	83 (негативы)	Жилище, поселения, хозяйство, портреты, шаманизм, занятия
МАЭ № И-4125	Телеуты	1929	Алтайский край	29 (негативы)	Жилище, поселение, хозяйство, ритуалы
МАЭ № И-4126	Алтайцы	1929	Республика Алтай	162 (негативы)	Жилище, поселения, хозяйство, портреты, бурханизм, шаманизм, занятия
МАЭ № И-4127	Русские и цыгане	1929	Республика Алтай	37 (негативы)	Портреты, хозяйство, занятия

Часть коллекций, привезенных с Алтая, была зарегистрирована Л.Э. Каруновской. Однако в силу того, что они проводили полевые исследования вместе, эти коллекции следует также учесть в нашей статье. Это – коллекции МАЭ № 4053 (привоз 1927–1928 гг.; 20 негативов) и МАЭ № 4054 (датирована 1931 г.; 11 фотографий).

Всего же в собрании МАЭ сохранилось 584 фотографии и негатива. Эта цифра может показаться не столь уж значительной сегодня, однако

нужно помнить, что речь идет о стеклянных негативах, изготовление и перевозка которых были делом весьма непростым.

Примечательно в этом списке и то, что фотографирование в экспедиции было не равномерным – одни экспедиционные поездки были оснащены лучше, и этнографы могли привезти довольно много негативов (например, 1927–1929 гг.), в то время как из других поездок – совсем незначительное число. Вероятнее всего, это зависело от числа взятых с собой стеклянных пластин, а также от успешности их проявки в поле.

Наряду с фотографиями ими было привезено и значительное количество вещей от дунган, алтайцев и телеутов.

Номер коллекции	Народ	Год поступления	Место	Количество предметов	Краткое описание
МАЭ № 2864	Дунгане	1922	г. Бишкек	2	Обувь
МАЭ № 3365	Дидойцы	1926	Республика Дагестан	14	Кузнецкий мех, деревянный сосуд, кожаная одежда, тмин
МАЭ № 3431	Дидойцы	1927	Республика Дагестан	3	Барабан с двумя палочками
МАЭ № 3433	Русские	1927	Республика Алтай	9	Ручной гончарный круг и стадии работы спиральным налепом
МАЭ № 3649	Телеуты	[1927]	Республика Алтай и Кемеровская область	14	Предметы быта
МАЭ № 3650	Алтайцы	[1927]	Республика Алтай	93	Предметы быта
МАЭ № 3720	Алтайцы	1928	Республика Алтай	382	Предметы быта
МАЭ № 3728	Телеуты	1928	Республика Алтай	152	Предметы быта
МАЭ № 3973	Алтайцы	1929	Республика Алтай	133	Предметы быта и культа
МАЭ № 3974 ¹²	Телеуты	1929	Республика Алтай	343	Предметы быта и культа
МАЭ № 6644	Алтайцы	1969	Республика Алтай	1	Кожаный соус

Всего же из экспедиций А.Г. Данилина и Л.Э. Каруновской привезли 1 146 предметов.

Отдельные предметы из коллекции А.Г. Данилина и Л.Э. Каруновской (МАЭ № 3973, историю коллекции см. ниже) были переданы для организованной В.Г. Богоразом Антирелигиозной выставки, которая в

1932 г. стала *Музеем истории религии* (старые номера: МАЭ № 3973-104, 3973-105). Биография этих двух вещей не до конца ясна и сегодня. В первоначальной описи сказано, что шаманский бубен и шапка принадлежали «шаманке» без указания имени. В ходе консультаций с хранителем коллекций Музея истории религии Татьяной Николаевной Дмитриевой мы пришли к выводу, что один из предметов (скорее всего бубен) мог принадлежать Кондрату Танашеву.

Работая в разных институциях и отправляясь по их распоряжению в экспедиции, А.Г. Данилин по возвращении домой передавал свои полевые материалы в эти организации, что со временем стало частью институтских архивов. В ходе нашей архивной работы была обнаружена коллекция полевых материалов в собрании *Санкт-Петербургского филиала архива РАН*. Здесь сохранились документы как самого Андрея Григорьевича, так и его сестры Клавдии и супруги Лидии Эдуардовны Каруновской. Экспедиционные материалы сохранились в нескольких фондах архива. Фонд Института по изучению народов СССР АН СССР (ИПИН) № 135 содержит материалы экспедиций в Дагестан (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 100), материалы экспедиций на Алтай за 1927–1929 гг. (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 101, 102), а также материалы экспедиций в Рязанскую (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 104; частично опубликованы: Данилин 1927б) и Ленинградскую (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 228; Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 106, 107; частично опубликованы: Данилин 1931а) области. Материалы экспедиции к вепсам Ленинградской области в деревни Шокшозеро и Сяргозеро сохранились в фонде Дмитрия Константиновича Зеленина – одного из университетских наставников А.Г. Данилина (СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 4. Ед. хр. 80, 82). Сохранились также письма к Л.Я. Штернбергу (СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 88), Д.К. Зеленину (СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 149) и С.Ф. Ольденбургу (СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 182).

В собрании Санкт-Петербургского филиала Архива РАН сохранились также материалы, которые относятся к истории этнографического образования. Это краткие очерки о деятельности географического факультета ЛГУ (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 103; опубликован: Данилин 1928г) и о деятельности ленинградских этнографов в связи с реорганизацией ГАИМК (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 105; опубликован: Данилин 1930а), а также краткое описание выставки журнала «Этнография» (СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 202).

Помимо этого, СПФ АРАН хранит две краткие заметки А.Г. Данилина «О названии жителей Ойротской Автономной области» (СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 203) и «Пережитки добывания огня трением в лесной зоне Восточной Европы» (СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 204).

Одна фотография А.Г. Данилина из экспедиции к вепсам сохранилась в архиве Русского географического общества (НА РГО. Р. 112. Оп. 1. Ед. хр. 575).

Интерес к музыке, как мы отметили выше, имел и свои этнографические последствия: Андрей Григорьевич и Лидия Эдуардовна записывают 65 валиков от алтайцев и телеутов на Алтае (см. рис. 4–6), которые вместе с записями Андрея Викторовича Анохина составляют самый ранний аудиокорпус алтайского языка и фольклора. В фонограммах архива Института русской литературы (*Пушкинский дом*) РАН хранятся все 65 фонографических валиков, записанных в 1928 г. Эти записи, как и все остальные записи сибирского собрания Пушкинского дома, были переданы из МАЭ в 1930-е гг. Ниже мы приводим список этих валиков, расположенных по хронологии, а не в порядке архивной нумерации.

Номер	Место записи	Дата записи	Тип записи	Нарратор
ФА ИРЛИ 4730.01		1928	Колыбельная песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4730.02		1928	Песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4730.03		1928	Колыбельная песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4730.04		1928	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4727.01	улус Малая Черга	25 июля 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4727.02	улус Малая Черга	25 июля 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4727.03	улус Малая Черга	25 июля 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4718.01	улус Малая Черга	26 июля 1928 г.	Песня	Чарбан
ФА ИРЛИ 4718.02	улус Малая Черга	26 июля 1928 г.	Песня	Чарбан
ФА ИРЛИ 4713.01	улус Индигеш	26 июля 1928 г.	Свадебная песня	
ФА ИРЛИ 4713.02	улус Индигеш	26 июля 1928 г.	Проза	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4720.01	улус Индигеш	27 июля 1928 г.	Детская песня	Серкин Егор
ФА ИРЛИ 4720.02	улус Индигеш	27 июля 1928 г.	Детская песня	Серкин Егор
ФА ИРЛИ 4720.03	улус Индигеш	27 июля 1928 г.	Детская песня	Серкин Егор
ФА ИРЛИ 4715.01	улус Индигеш	27 июля 1928 г.	Песня	Серкин Владимир
ФА ИРЛИ 4724.01	улус Индигеш	27 июля 1928 г.	Песня	Маринов
ФА ИРЛИ 4729.01	улус Индигеш	27 июля 1928 г.	Колыбельная песня	Серкина Мария

Номер	Место записи	Дата записи	Тип записи	Нарратор
ФА ИРЛИ 4719.01	улус Индигеш	30 июля 1928 г.	Песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4719.02	улус Индигеш	30 июля 1928 г.	Песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4726.01	улус Индигеш	30 июля 1928 г.	Песня	
ФА ИРЛИ 4726.02	улус Индегеш	30 июля 1928 г.	Колыбельная песня	
ФА ИРЛИ 4726.03	улус Индегеш	30 июля 1928 г.	Песня	
ФА ИРЛИ 4702.01	урочище Инди-геш	2 августа 1928 г.	Свадебная песня	
ФА ИРЛИ 4722.01	улус Индигеш	2 августа 1928 г.	Свадебная песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4711.01	улус Индигеш	2 августа 1928 г.	Песня	
ФА ИРЛИ 4711.02	улус Индегеш	2 августа 1928 г.	Песня	
ФА ИРЛИ 4705.01	улус Индигеш	5 августа 1928 г.	Колыбельная песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4705.02	улус Индигеш	5 августа 1928 г.	Песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4716.01	улус Индигеш	6 августа 1928 г.	Колыбельная песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4716.02	улус Индигеш	6 августа 1928 г.	Свадебная песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4706.01	улус Черга	19 августа 1928 г.	Песня	Шабураков Абакум
ФА ИРЛИ 4706.02	улус Черга	19 августа 1928 г.	Частушки	Шабураков Абакум
ФА ИРЛИ 4706.03	улус Черга	19 августа 1928 г.	Песня	Шабураков Абакум
ФА ИРЛИ 4706.04	улус Черга	19 августа 1928 г.	Песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4721.01	улус Черга	19 августа 1928 г.	Песня	
ФА ИРЛИ 4721.02	улус Черга	19 августа 1928 г.	Игровая песня	
ФА ИРЛИ 4723.01	улус Черга	19 августа 1928 г.	Песня	Крыжакова Марфа
ФА ИРЛИ 4723.02	улус Черга	19 августа 1928 г.	Песня	Крыжакова Марфа
ФА ИРЛИ 4725.01	улус Черга	19 августа 1928 г.	Песня	Шабураков Абакум
ФА ИРЛИ 4725.02	улус Черга	19 августа 1928 г.	Песня	Шабураков Абакум
ФА ИРЛИ 4725.03	улус Черга	19 августа 1928 г.	Плясовая песня	Шабураков Абакум
ФА ИРЛИ 4708.01	улус Черга	20 августа 1928 г.	Свадебная песня	Шабураков Сергей

Номер	Место записи	Дата записи	Тип записи	Нарратор
ФА ИРЛИ 4708.02	улус Черга	20 августа 1928 г.	Песня	Шабураков Сергей
ФА ИРЛИ 4708.03	улус Черга	20 августа 1928 г.	Песня	Шабураков Сергей
ФА ИРЛИ 4710.01	улус Черга	20 августа 1928 г.	Песня	Уросчи Мария
ФА ИРЛИ 4710.02	улус Черга	20 августа 1928 г.	Песня	Уросчи Мария
ФА ИРЛИ 4710.03	улус Черга	20 августа 1928 г.	Песня	Уросчи Мария
ФА ИРЛИ 4717.01	улус Черга	20 августа 1928 г.	Песня	Шакириха Ольга
ФА ИРЛИ 4717.02	улус Черга	20 августа 1928 г.	Песня	Шакириха Ольга
ФА ИРЛИ 4728.01	улус Черга	20 августа 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4707.01	улус Черга	21 августа 1928 г.	Песня	
ФА ИРЛИ 4709.01	улус Черга	21 августа 1928 г.	Свадебная песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4709.02	улус Черга	21 августа 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4712.01	улус Черга	21 августа 1928 г.	Песня	Шабураков Александр
ФА ИРЛИ 4704.01	улус Черга	22 августа 1928 г.	Проза	
ФА ИРЛИ 4704.02	улус Черга	22 августа 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4704.03	улус Черга	22 августа 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4714.01	улус Черга	22 августа 1928 г.	Свадебная песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4714.02	улус Черга	22 августа 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4714.03	улус Черга	22 августа 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4714.04	улус Черга	22 августа 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4714.05	улус Черга	22 августа 1928 г.	Песня	
ФА ИРЛИ 4703.01	урочище Инди- геш	26 августа 1928 г.	Колыбельная песня	Мальчик
ФА ИРЛИ 4703.02	урочище Инди- геш	26 августа 1928 г.	Колыбельная песня	Мальчик
ФА ИРЛИ 4703.03	урочище Инди- геш	26 августа 1928 г.	Колыбельная песня	Мальчик другой

В собрании Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) имеется только один документ бюрократического характера – наряд, выданный А.Г. Данилиным Е.Г. Кагарову на чтение

лекции «Маркс и изучение доклассового общества» в 1933 г. (ОР РНБ. Ф. 324. Ед. хр. 24).

И, наконец, в собрании *Шебалинского краеведческого музея* (Республика Алтай) есть фотография Андрея Данилина с группой людей. Вероятнее всего, она была сделана Мокрушиным – другом Данилина и замечательным алтайским фотографом.

Мы можем также предполагать, что часть материалов А.Г. Данилина может храниться еще в архивах и музеях Горно-Алтайска, Бийска, Барнаула и Новосибирска, оставаясь не введенной в научный оборот.

Архив свой и чужой

Часть архива, находящаяся у дочери А.Г. Данилина, состоит из дневников, фотографий и документов, общим числом 177 тетрадей / папок (см. рис. 11). Первая тетрадь датирована 1910 г., когда Андрей Григорьевич был еще школьником¹³.

Его дневник полон описаний того, как он ищет будущую профессию, странствует по разным городам и весям. Вероятно, в этой отчасти вынужденной мобильности дневник и письма давали ему необходимое чувство стабильности. Такая эпистолярная привычка стала его экзистенциальной потребностью на долгие годы – стараться не разрушать сложившихся отношений географическим расстоянием, интересоваться жизнью друзей и знакомых и рассказывать им о себе.

Интересно, что запись ежедневных событий как практика самодисциплины постепенно стала превращаться для Андрея Григорьевича в практику «самоархивирования», видя все свои записи уже как архив. Он нумерует тетради, составляет указатели мест записи и порой отмечает наиболее важные события того или иного периода времени (наиболее важные вехи: Рязань, Одесса, Ленинград, Москва, Алтай).

Сами записи Данилин организует также довольно интересно: он соединяет все документы хронологически, беря за основу собственный дневник. При этом он добавляет в него не только приходящие письма, но и краткие ответы на них, а также разные «бумажки» (билеты, программы театров, записки с ценами приглашения, квитанции, фотографии), что превращало дневник как тетрадь в материальный прообраз страниц в современных Фейсбуке или Вконтакте, где помимо наших мыслей и фотографий мы «постим» то, что нам кажется интересным¹⁴. Вот как сам А.Г. Данилин писал о своём дневнике (1 сентября 1937 г.):

«Нужен ли такой дневник? Когда в мечтах, я показываю его дочке или друзьям («через 20 лет»), я представляю, как будет оживать при чтении его моя вся жизнь, но даже великой нашей эпохи. Но отражается ли здесь эпоха, вот вопрос? Пожалуй, лучше было бы вкладывать между страницами газетные вырезки: это жизнь!».

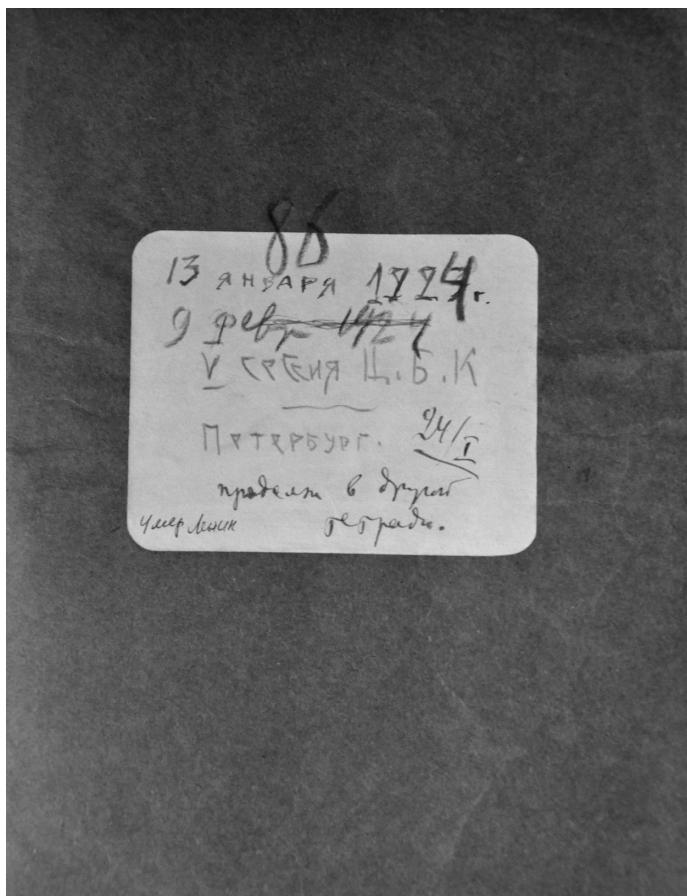

Рис. 11. Обложка дневника 1924 г.

Рефлексируя над собственным дневником, Данилин очень точно определяет свою позицию этнографа. Отражением эпохи или даже жизнью для него являются и его текст, и газеты, вырезками из которых, как мы заметили выше, полон его дневник. Все это, с точки зрения историка, показывает предысторию формирования «дневниковой субъектности», описанной Анатолием Пинским на примере писателей хрущевской «оттепели» (Pinsky 2014). С одной стороны, Андрей Григорьевич пишет «жизнь эпохи» через себя, чтобы передать её как совокупность тетрадей своим близким, а с другой – объективирует её через вложенные газетные вырезки, билеты и т.д. – «настоящие» документы эпохи.

История, написанная для себя, останавливается для Данилина в 1940-м. Он резко прекращает делать всякие записи. Все, что мы знаем о нем после, – по записям и письмам его коллег. Однозначного ответа, что привело к этому, у нас, увы, нет.

Рис. 12. Анnotatedный указатель к архиву кн. Тенишева.
Архив РЭМ. Фотография А.Н. Копаневой. 2018 г.

Создаваемый им личный архив был только частью его архивной жизни. Вторая часть – архив Государственного музея этнографии (после 1934 г., до этого – Этнографический отдел Русского музея), который сегодня называется Российским этнографическим музеем. Андрей Григорьевич некоторое время работал заведующим музейным архивом, где он разбирал архив князя В.Н. Тенишева. Благодаря помощи нашей коллеги Анны Николаевны Копаневой (РЭМ, Санкт-Петербург), мы можем сказать, что это была едва ли не самая успешная работа архивариуса во всей истории РЭМ. Несмотря на то, что составленные им описи не используются сегодня в силу многочисленных дополнений и нововведений, которые происходили уже после Второй мировой войны, их детальность и качество отражают высокий профессионализм А.Г. Данилина. Как указывает на основании материалов РЭМ А.Н. Копанева, в 1938 г. ему удалось составить описание архива Тенишева («Аннотированный указатель к архивным материалам «Этнографического бюро» кн. В.Н. Тенишева») объемом в 10 печатных листов (рис. 12), которое он готовил к печати (устное сообщение А.Н. Копаневой). Известно, что эту работу он продолжал и в 1939 г.

В это же время Данилин был также привлечен к разбору архива А.В. Анохина, который был в 1933 г. на время перевезен с Алтая в Ленинград в МАЭ, где сначала находился в Отделе этнографии Сибири, а затем был передан в состав архива музея. Этот перевоз имел исключительно техническую цель – обработка и систематизация данных ленинградскими этнографами и лингвистами, чтобы затем быть переданным обратно на Алтай. Однако юридическая судьба этого архива оказалась довольно трудной. Он и сейчас хранится в МАЭ, что продолжает вызывать дискуссии в Республике Алтай (см.: Хохолков 1989)¹⁵.

А.Г. Данилин совмещал свою работу архивариуса и научного сотрудника. В это время, вероятнее всего, по заказу Института языка и мышления, он также готовит к печати и публикует два письма Н.Я. Марра, культовой и демонической фигуры советской довоенной гуманитарной науки (Данилин 1936а).

История невозвращения одной коллекции

От общего анализа биографии и архива нам хотелось бы перейти к истории одной коллекции (МАЭ № 3973), привезенной Андреем Григорьевичем и Лидией Эдуардовной. Эта история, как и история архива Анохина, помогает лучше понять культурные притязания алтайцев.

Данилин в своём письме в МАЭ (точный адресат не указан) 10 октября 1929 г. писал:

«Из отчета Л.Э. Каруновской, представленного МАЭ, видно, что работа отряда проходила в самом тесном контакте с Областными и Ай-

мачными организациями. В частности, отряд получил из Усть-Канского политпросвета для МАЭ в дар предметы культа бурханистов и шаманистов, сданных туда отказавшимися от сана ярлыками и шаманами. Об этом по приезде было доложено директору МАЭ и от имени Музея работникам аймака послана благодарность и обещание культурной помощи. Отряд нашел возможным воспользоваться этими предметами».

Рис. 13. Прием шаманских вещей А.Г. Данилиным (второй справа).
Крайний слева человек, скорее всего, Кондратий Танашев, бывший проводником
Данилина и Каруновской в их экспедициях¹⁶

В архиве А.Г. Данилина также сохранилась фотография передачи этих коллекций (рис. 13). Необходимо сказать, что в этот период времени была начата крупномасштабная антирелигиозная кампания на Алтае с целью заставить местных шаманов и *ярлыкчылар* отказаться от ритуальных действий (рис. 14), которая получила название «расшаманизование». Они не только сдавали свои ритуальные предметы в сельсоветы или приезжим активистам и этнографам (см.: Данилин 1930), но также писали покаянные письма (иногда называемые также «подписки») в местные газеты. Данилин собирал такие «подписки» (см. один из текстов: Батьянова 2020: 109). Приведенный ниже пример такого документа говорит, что вместе с отказом от «ярлычества» «религиозные принадлежности» *ярлыкчы* Арыка Чилбаева передавались в Музей Академии наук (имеется в виду МАЭ).

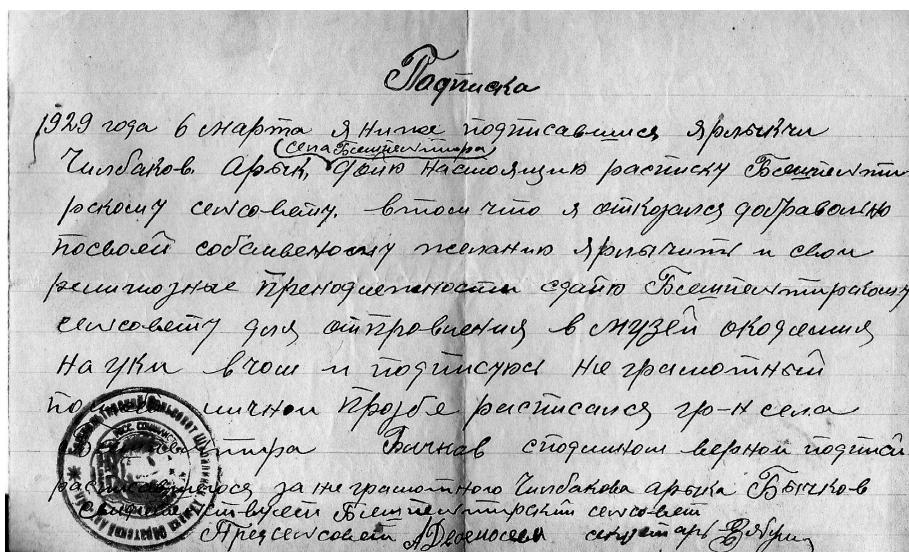

Рис. 14. Пример «подписки» ярлыкчи Арыка Чилбакова. 6 марта 1929 г.

Текст (сохранены орфография и пунктуация оригинала):

«Подпись

1929 года 6 марта я ниже подпавшия ярлыкчи
Чилбаков Арык {села Бешпелтира} дойю настоящиу расписку Бешпелтирскому
селсовету. втом что я отказался добровольно
посвоей собственому желанию ярлыкчи и свои
религиозные принадлежности сдаю Бешпелтирскому
селсовету для отпровления в музей окодемии
науки втом и подпись не грамотный
по[нрзб., след от печати] личном прозбе расписался гр-н села
Бешпелтира Бычков сподлинком верном подпавши
расписавшегося за него грамотного Чилбакова арыка Бычков
свидетельствует Бешпелтирский селсовет
Предселсовет [подпись] секретарь [подпись]».

В архивах сохранилось только несколько экземпляров таких «подписок», которые были и покаяниями, и своеобразными письмами «снизу». Часть из них публиковалась в газете «Кызыл Ойрот» в 1930-е гг. (см.: Arzyutov 2018: 44; ср.: Fitzpatrick 1996).

По возвращении в Ленинград Данилин получает известие, что коллекции, которые он привез из Усть-Канского аймака, были переданы ему незаконно. В его личном архиве сохранилось письмо от 10 октября 1929 г., адресованное Давидовичу¹⁷. Несмотря на то, что на самом письме рукой Данилина написано «забракованный вариант», мы приводим здесь часть этого письма, чтобы показать, как бюрократически происходило движение коллекций между «полем» и музеем на Алтае в 1920-е гг.:

«10/Х 29 Ленинград 13, Серпуховская, 12, кв. 33

Забракованная копия

Уважаемый тов. Давидович!

На днях я пережил неприятные минуты: из Обл.И.К. (подписи Алактузова [?] и Сары-Сэп) в Акад[емию] Наук пришла бумага, где меня и мои действия по приобретению коллекций в Усть-Кане квалифицировали чуть ли не как самочинное, самозванное, незаконное, неувязанное с Обл. и т.д. Дело же в том, что кому-то (в Облоно или в Музее?) не понравился факт передачи предметов культа шаман[ского] и бурхан[истского] из Политпросвета в Музей Акад[емии] Наук. Разберемся.

Формально: я говорил с Горлатовым, говорил с Вами и еще не помню с кем из айм[ачных] работников, говорил вполне официально, как член экспедиции, посланной для приобретения коллекций и записи научных материалов. И только после Вашей визы (пусть словесной только), т. Горлатов счел возможным отдать, а я – принять эти костюмы и прочие предметы.

По существу: предметы лежали в амбаре год, и никто из местных обл[астных] работников не принял мер, чтобы их переправить в свой Музей. Спохватились же, когда после моего письма т. Арбузовой увидели, что эти вещи уходят из Ойротии. Дальше. Учитывая, что случаев отхода от шаман[ства] и бурх[анизма] будет в дальнейшем много, Ойратским работникам особенно сетовать не приходится. Нужно только быть немножко энергичнее и следить за такими случаями, хотя бы по «Оир[отскому] Краю» или «Кызыл Оирот» (местные газеты. – *Авт.*). Они довольно серьезно просят Академию Наук вернуть им эти несчастные костюмы. Не знаю, что ответят им. Допустим, что отошлют обратно. Жаль, т.к. этот Музей мирового значения и здесь предметы эти были бы нужнее. Тем более, что для Ойротии в течение каких-нибудь месяцев не исключена возможность на месте получить их, а снаряжать еще раз отсюда дорогие экспедиции с государственной точки зрения нерационально.

Считаю нужным дать эти объяснения Вам лично, совершенно в частном порядке, имея ввиду только выяснить свой взгляд».

Читая это неотправленное письмо сегодня, когда все еще не утихают споры об «алтайской принцессе» (см.: Broz 2008; Доронин 2016), нетрудно заметить, что дискуссии о материальном наследии коренного населения Сибири и его репатриации имеют довольно долгую историю. Прежде всего, эта история хронологически и фактически соответствует тому периоду времени, когда был сформирован основной состав коллекций МАЭ по народам Южной Сибири благодаря привозам Данилина, Каруновской, Дыренковой и других этнографов. Именно на основании этих коллекций этнографы последние примерно 70 лет описывают алтайскую «традиционную культуру». Однако микроистория коллекции МАЭ № 3973 позволяет нам понять, как происходило административное движение вещей.

Прокомментируем письмо Давидовичу. Изъятие вещей из социальной и ритуальной жизни приводило к тому, что вещи теряли свой прежний статус внутри сообщества и могли быть даже уничтожены. Но как только в этот процесс «естественного» забвения включались колониальные власти в лице Академии наук, то престиж и значение этих коллекций немедленно возрастили. Перемещение этих бывших ритуальных предметов в центральный музей, вероятно, рассматривалось как их полная утрата или, по крайней мере, потеря контроля над ними. При этом активисты ойротской государственности, такие как Сары-Сеп Конзычаков, использовали встречный и столь же бюрократический прием, идя на союз с государством и отправляя официальные письма на имя Академии наук. Со своей стороны Данилин действует точно так же, заявляя, что, во-первых, вещи – отличные (с точки зрения этнографа), а значит, должны храниться в МАЭ, а во-вторых, новая экспедиция будет нерациональной, «с государственной точки зрения».

Эти перемещения вещей между отдельными лицами, сельским амбаром, местными музеями и музеями АН показывают, как в каждом из случаев происходит наделение вещей новыми и новыми смыслами, а также как они выступают уже в форме материализованных атрибутов алтайской суверенности (ср. с историей архива Анохина, затронутой выше). В этом отношении контекст «культурной революции» в регионе в форме борьбы с шаманством оказывается вдвойне интересным: это и форма уничтожения материального прошлого на местах, и форма конструирования идеального образа шаманизма внутри музеев. Небольшие тексты на обрывках бумаги или на оборотах использованных документах, как приведенное выше письмо Данилина, позволяют заново описать (или даже переписать) историю коллекций, одна из которых, согласно описи, была куплена Данилиным и Каруновской в ходе экспедиции 1929 г.

Magnum Opus

Когда смотришь на папки с личными документами Данилина, на его многочисленные отчеты, рукописи и письма, которые разбросаны по десяткам архивов, то кажется совершенно невозможным обозреть это наследие. Дневники Данилина позволяют понять, что происходило с человеком на протяжении более 20 лет в межвоенный период. Наряду с его любовью к музыке, театру и музеям, мы в этой части статьи хотели бы обратиться к истории его главной книги – «Бурханизм» (1993). Вероятнее всего, Данилин задумал исследование на эту тему сразу после первой поездки на Алтай в 1927 г., так как уже в экспедиции 1928 г. он активно собирает материалы по теме: записывает фольклор, устную историю, делает множество фотографий и начинает необычный для

советской этнографии проект – приглашение к самозаписи устной истории бывших участников движения – *ярлыкчылар*. На основании этого материала, а также работы с опубликованными и некоторыми архивными данными он пишет кандидатскую диссертацию, которую потом планирует издать как отдельную книгу. В силу разных причин эта книга будет издана только в 1993 г. в Горно-Алтайске. Историю борьбы за издание этой книги частично описала В.П. Дьяконова в своём предисловии (Дьяконова 1993).

В настоящей части мы остановимся на двух сюжетах, связанных с историей «Бурханизма». Первый – описание метода, которому следовал А.Г. Данилин при написании своей книги, и второй – история политической борьбы возле этой книги.

Данилин и Каруновская приезжают на Алтай, когда пик бурханистского движения уже сошел. Первым этнографическим сведениям, записанным миссионерами, а также некоторыми этнографами, такими как Дмитрий Александрович Клеменц, было около 20 лет. Имея общие представления, что все-таки случилось на Алтае в 1904 г., Данилин выбирает стратегию описания бурханизма исходя из трех основных моментов –социальной истории движения, биографий активистов, а также ритуальных действий и предметов.

Первоначальный план книги / диссертации должен был быть следующим:

- I глава. Степень изучения бурханизма.
- II глава. Социально-экономические причины возникновения бурханизма.
- III глава. Сказания о пришествии освободителя.
- IV глава. Самозванцы.
- V глава. Возникновение и первые этапы бурханизма.
- VI глава. Бурханизм в годы Первой мировой войны.
- VII глава. Бурханизм с 1917 г. до наших дней.
- VIII глава. Культ бурханистов.
- IX глава. Культурные места и моления в Усть-Канском аймаке.
- X глава. Онгудайский аймак.
- XI глава. Шебалинский аймак.
- XII глава. Цикл молений.
- XIII глава. Свадебные и другие обряды бурханистов.
- XIV глава. Бурханизм у телеутов.
- XV глава. Биография и генеалогия ярлыков.

Уже из этого предварительного оглавления видно, что он соединяет социальную историю движения (главы 2–7) с географическим распределением его практик (главы 9–11), особо выделяя телеутский ареал (глава 14), что впоследствии повторила Елена Петровна Батьянова в своей статье (2005). Так или иначе, в каждой из частей, посвященных географии движения, присутствует описание ритуальных практик, из которых свадебные и календарные (главы 12 и 13) вынесены отдельно.

И, как мы отметили выше, отдельной главой Данилин выделяет биографии и генеалогии *ярлыкчы*.

В последнем варианте рукописи, которая и была частично опубликована, структура исследования несколько корректируется и приобретает следующую форму:

Глава I. Критический обзор литературы о бурханизме.

Глава II. Социально-экономические и политические причины возникновения бурханизма.

Глава III. Древние мессианские чаяния.

Глава IV. Самозванцы.

Глава V. Возникновение и первые этапы бурханизма.

Глава VI. Бурханизм в годы империалистической войны и движение против мобилизации.

Глава VII. Контрреволюционные выступления и распад бурханизма.

Глава VIII. Культ бурханизма.

Глава IX [или VIII]*. Материалы по культу «белой веры» (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 10).

Глава X [или IX]*. Места молений в Шебалинском аймаке (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 11).

Глава XI [или XIV]*. Бурханизм у телеутов (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 12)

Глава XII [или XV]*. Биографии бывших бурханистов – К.И. Танашева, Барнаул, А. Мандаева (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 13).

Звездочкой (*) мы отметили главы, которые не вошли в издание 1993 г.

Мы предполагаем, что Данилин здесь ориентируется на программу одного из своих преподавателей в ЛГУ Владимира Германовича Богораза о старом и новом быте, который, по сути, фокусировался на этнографии революции, т.е. предлагал такой способ анализа и презентации материала, где революция как значительное событие в истории должна была иметь человеческое / антропологическое измерение. В проекте Богораза, которые реализовывался в шести сборниках 1924–1926 гг., автобиографии, а также все письменные документы, составленные людьми на местах, были удачно названы «человеческими документами». В предисловии к одному из сборников «Революция в деревне» Богораз пишет: «...методологическая работа экскурсантов в текущем году (1924–1925. – Авт.) представляется более углубленной. Они привезли большое число человеческих документов, например автобиографий, писанных деревенскими людьми, памятую наставление, что самая плохая автобиография, написанная местным человеком, лучше его биографии, записанной самим экскурсантом с его слов. Мой письменный стол завален этими деревенскими самоописаниями. Иные написаны крупными дрожащими буквами младенческого почерка, другие, напротив, выведены вязью, в стиле московских дьяков, – без лупы ничего не разберешь. Синие, красные, а чаще рыжие чернила вылянили и слезли. А в

правописании каждая ошибка тоже особая этнографическая или бытования подробность» (Богораз 1925: 4). Только напомним, что многие однокашники и коллеги Данилина проделывали сходный анализ по другим сибирским группам – шорцам (Н.П. Дыренкова: АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 12), эвенкам (Василевич 1938), корякам (Стебницкий 1938) и др.

Возможно, что в этом имплицитно был также слышен голос Дерсу Узала из романа Владимира Клавдиевича Арсеньева, который хоть и не получил высокой оценки среди этнографов сразу после выхода книги, но все-таки был едва ли не первым шагом в выстраивании сибирской антропологии, ориентированной на человека. С течением времени, уже в рамках «этногенетического поворота» в советской этнографии эти *автобиографии* будут превращаться в инструмент описания *группы* или *народа* с утратой привычных противоречий в выстраивании единой модели истории, а цвета чернил и орфографические ошибки окажутся важными, только если они коррелировались с большими моделями истории – чаще миграций. В богоразовской модели «человеческих документов» революции собранный студентами материал создавал революционную полифонию. Сама концепция автобиографии в контексте этнографии революции была нацелена на текстуальное оформление постреволюционной субъектности. Пристально наблюдая за самим собой в «великую нашу эпоху», Данилин словно пробрасывает мосты к Алтаю, пытаясь найти сходства и различия между своим дневником и теми текстами, которые для него писали его друзья из «поля».

Обращая особое внимание на биографии и генеалогии, Данилин во многом следовал принятym на тот момент времени концепциям в изучении шаманизма. На примере Алтая – это, прежде всего, книга Андрея Викторовича Анохина (1924), современника и знакомого Данилина. Для Анохина, как и для других исследователей, знание генеалогии того или иного шамана давало возможность проследить передачу «шаманского дара» от одного поколения к другому. Он в свою очередь во многом следовал за известными работами С.К. Патканова и В.В. Радлова, которые, среди прочего, писали о сибирских и алтайских родах (алт. *сöйктöр*), пытаясь через их именования выстроить многовековые исторические генеалогии. Таким образом, аналитическая схема «против течения» (англ. *upstreaming*), позже сформулированная в американской этноистории (Fenton 1952; см. также: Burch 2010,) оказалась включенной в ранние модели описания истории шаманства и бурханизма. Примечательно, что несколько позже Л.П. Потапов доведет этот метод до совершенства, предложив историю алтайских родов от современных до древнетюркских (Потапов 1969).

Несмотря на заимствованные приемы написания историко-этнографических текстов, судьба книги «Бурханизм» оказалась очень непростой.

В 1929 г., когда у Данилина, вероятно, были уже первые наброски к книге, им был сформулирован основной аргумент работы – религиозный синкретизм. Заметим, что сам термин «синкретизм» (религиозный, искусства, слова и т.п.), введённый А.Н. Веселовским, активно дискутировался в России в 1920-е, в том числе в работах Марра и его студентов. Вот как в 1930 г. звучала концепция книги А.Г. Данилина:

«1. Необходимость изучения идеологий современных народов СССР, находящихся на низкой ступени своего культурного развития, диктуется не только потребностями науки, но и очередными задачами советского строительства среди этих народностей.

2. При новом подходе к изучению религиозных верований, устанавливающем в т[ак] назыв[аемых] «высших» религиях элементы древних культов («двоеверие» в православии и др.), тем более важно выискивать эти элементы в среде народов, на наших глазах формирующих свое мировоззрение под влиянием соседних установившихся религиозных систем.

3. Материалистический анализ религиозного синкретизма в районах двух и более разнородных идеологий оказывает экономическую почву, на которой разрастаются в новых формах и видах идеологии, слившиеся из разных элементов слагающих их культур.

4. В качестве примера религиозного синкретизма у турецких народов можно привести «бурханизм» в Южном Алтае мировоззрение новое (начало XX века), слагающееся из элементов шаманизма, с которым переплелись элементы ламаизма по преимуществу и ислама в меньшей степени.

5. С точки зрения общественно-политической бурханизм является движением национально-освободительным при царизме и реакционным во время гражданской войны и при советской власти.

6. Движение, направленное против русских колонизаторов во имя освобождения алтайцев и создания собственного национального государства, теряет смысл в условиях предоставленной Ойратии автономии. Культурное развитие Алтайцев за последние годы идет по пути приобщения к советской культуре, и сохранившиеся в некоторых местах очаги бурханизма влияют на это развитие задерживающим образом.

7. Задерживающее влияние бурханизма на культурный рост алтайцев ставит на очередь вопрос борьбы с ним, предпосылкой чего является тщательный анализ причин его распространения» (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 5).

Относительно точно можно сказать, что начиная с 1934 г. Данилин всерьёз озабочился публикацией книги о бурханизме. 18 сентября 1934 г. по дороге с Алтая в Ленинград, сидя в поезде Новосибирск–Омск, он пишет Каруновской:

«Результаты экспедиции хорошие, радуют. Договорился написать брошюру и большую книгу о бурханизме».

Судя по другим письмам этого года, Даниlinу удалось договориться с Западно-Сибирским отделением Союза воинствующих безбожников

ков, который ходатайствовал о публикации книги в КрайОГИЗ в Новосибирске уже в 1935 г. под заголовком «Монографический очерк бурханизма на Алтае».

За два года до этого Данилину удалось опубликовать статью «Бурханизм на Алтае и его контрреволюционная роль» (Данилин 1932а). Это была первая его работа, посвящённая бурханизму. Мы полагаем, что сама концептуализация бурханизма как «национально-освободительного движения» (Данилин 1936) и как «контрреволюционного проявления» (Данилин 1932а) родилась из многолетней переписки и долгого общения и дружбы между Данилиным и впоследствии известным советским историком Анной Михайловной Панкратовой¹⁸ и его научным руководителем Леонидом Павловичем Потаповым. Эти две идеи при всей их незамысловатости, а также внутренней противоречивости, тем не менее, удобно вписывались в предлагаемые исторические модели: до Октября 1917 г. бурханизм был важным мобилизующим движением для алтайцев / ойротов, а после революции стал выступать препятствием для советского строительства. При этом социально-экономический анализ должен был соответствовать такому распределению. На фоне начавшейся марксизации этнографии научный руководитель Данилина Л.П. Потапов предлагает классовый анализ бурханизма. В своём «Очерке истории Ойротии» он пишет, что именно к 1904 г. оформился класс алтайской буржуазии («зайсанско-байская верхушка») за счет перевода хозяйственных отношений в товарно-денежные, что также совпало с массовым переселением крестьян на Алтай и обострившимся «земельным вопросом» (Потапов 1933: 178–187). В этих условиях, несмотря на свою буржуазную сущность, бурханизм тем не менее был определен Потаповым как «национально-освободительное движение» алтайцев, которое, впрочем, после суда над бурханистами и русско-японской войны 1905 г. приобрело новые черты.

Вначале Потапов пишет, что «бурханизм представлял собой национально-освободительное движение алтайцев-крестьян против колониального угнетения, против притеснений и произвола русских эксплуататоров. Невзирая на религиозную оболочку этого движения, мы должны рассматривать бурханизм как политическую борьбу скотоводов-крестьян против колониального режима». Затем к этому он добавляет: «бурханизм надо рассматривать и как попытку алтайской национальной буржуазии (скотоводческих районов) совместно с представителями китайского торгового капитала – монгольскими ламами – использовать национально-освободительное движение трудящихся-алтайцев в своих целях» (Потапов 1933: 186). Данилин (1932а: 68) продолжает эту мысль, опираясь на работу Сталина «Вопросы ленинизма», где тот пишет о рождении «реакционных элементов» из среды буржуазии, стоящей за «национально-освободительным движением». Этот сдвиг, со-

гласно Сталину, происходит именно в ходе союза буржуазии с «империалистами», что Данилин иллюстрирует фрагментом из биографии алтайского зайсана Аргымая Кульджина, решившего выстроить в алтайском улусе Кеньга – одном из центров бурханизма – православную церковь. Спорность и противоречивость такой аргументации, как представляется, были в каком-то смысле понятны и Данилину, и, может быть, самому Потапову.

В статье 1936 г. о бурханизме как «национально-освободительном движении» алтайцев (Данилин 1936б) Данилин возвращается к некоторым идеям Потапова, но фокусируется преимущественно на связях бурханизма и общеалтайского протеста против военной мобилизации во время Первой мировой войны. «Байско-зайсанская верхушка» здесь уже исчезает из поля зрения. В конце он заключает: «...в период войны 1914–1917 годов несмотря на сохранение бурханизма в его максимальных границах, подъем национально-освободительного движения в других районах и растущая ненависть к классовому врагу, безусловно, изменили самую форму движения. Трудящиеся алтайцы переходят от “белой” веры с молениями и проповедями ярлыков к открытым формам сопротивления войне, до попыток поголовного вооружения против русских захватчиков» (1936б: 44).

Эта статья, как и книга, писались с большим трудом. Панкратова же успокаивает своего друга (5 октября 1934 г.):

«Дорогой Андрей! Спасибо за весточку. Я была рада ей и твоему самочувствию и твоим успехам в работе. Напиши нам в «Б[орьбу] кл[ассов]» статью об Ойротии и бурханизме. Мы очень охотно поместим [...] Книгу тебе обязательно нужно написать [...].»

Судя по их переписке, статья о «национально-освободительном движении» была написана им между концом 1934 г. – серединой 1935 г. В письме своему знакомому на Алтай (25 февраля 1935 г.) Данилин пишет:

«Трудностей много. С текстами кое-как справляюсь с помощью проф. Малова. Но многие мелкие детали культа только теперь всплыли, и без ойротских товарищей, я их не могу выяснить. Трудно привести в систему и те данные, которые характеризуют бурханизм, как религиозный синcretизм. Но с этим тоже справляюсь, в конце концов, это моя специальность. Но вот где Ваша дружеская помощь будет необходима – в уточнении политической формулировки бурх[анизма] как нац[ионально]-бурж[узного] движения¹⁹».

В итоге в 1936 г. статья «Из истории национально-освободительного движения на Алтае» (Данилин 1936б) была опубликована в журнале «Борьба классов» именно благодаря договоренностям с Панкратовой.

Если сам Союз воинствующих безбожников был заинтересован в публикации книги, где основным аргументом должен был быть религи-

озный синкретизм, то редактор книги Потапов как научный руководитель Данилина с этим не мог быть согласен. Между ними начинается конфликт. Впрочем, нужно признать, что еще в дневнике 1927 г. Данилин довольно нелестно отзывается о Потапове, с которым он столкнулся в поле (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 17 об.). В.П. Дьяконова, близкий человек в жизни Леонида Павловича, резюмирует этот конфликт возле книги «Бурханизм» следующим образом (Дьяконова 1993). Потапов настаивал на 1) расширении части, посвященной социально-экономическим причинам возникновения бурханизма, 2) акцентировании внимания Данилина на политических причинах возникновения бурханизма в 1904–1905 гг., в том числе его «японофильскую сущность», наконец, 3) рассматривал бурханизм как идеологию байского класса алтайцев. Уже после войны алтайский аспирант Потапова Павел Егорович Тадыев защитит диссертацию о бурханизме (см. также: Тадыев 1955), где будет иллюстрировать каждый аргумент своего научного руководителя. Место Данилину в этой работе не нашлось...

«Бурханизм нельзя рассматривать как попытку национального объединения хотя бы южных алтайцев на почве единой новой религии, которая уничтожила бы родоплеменные перегородки. Напротив, бурханизм стремился консервировать все старое и отсталое в жизни алтайцев, призывая уничтожить культурные достижения, приобретенные алтайцами в результате культурно-экономических связей с русским народом. Бурханизм стремился воспитать и распространить среди алтайцев антирусский буржуазный национализм» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 378. Л. 4 об.–5).

Официальный оппонент известный историк Владимир Васильевич Мавродин только добавит:

«...показывая истоки бурханизма, диссертант разоблачает это буржуазно-националистическое движение, инспирируемое через ламаистское духовенство японским империализмом, мечтавшим об отложении от России Алтая, Дальнего Востока и всей Сибири, от «великой Японии» до Уральского хребта» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 378. Л. 13 об.–14).

Вернемся, однако, в конец 1930-х. Данилин, как это видно из письма Панкратовой, не был уверен в своих социально-политических интерпретациях бурханизма, на которых настаивали Потапов и Панкратова, склоняясь скорее к этнографическому анализу и рассматривая его как форму религиозного синкретизма шаманства и северного буддизма (ламаизма). В конце советской эпохи именно этот взгляд на бурханизм будет активно продвигаться Андреем Марковичем Сагалаевым (1984, 1992), сибирским этнографом, одним из основоположников сибирского варианта символической антропологии.

В 1935 г. Данилин просит отсрочки для переписывания работы. Судя по документам из личного архива Данилина, на мрачный 1937 г. пришелся пик его работы над книгой, а вместе с этим и все сложности, связанные с арестом Чатто и ухудшением его отношений с Потаповым и другими коллегами.

22 марта 1937 г. «говорил с Потаповым о доработке рукописи. Я уже охладел к ней, что он даже заметил и обозвал меня лентяем. Не пойму сам, почему так трудно мне вновь включиться и писать, уточнял и двух [нрзб] национ[альной] буржуазии на Алтае и о путях развития бурханизма и прочих вещах. Материала нового нет, остаются только более или менее подробные комментарии к старому».

30 марта 1937 г.: ««Бурханизм»двигается (так в тексте. – Авт.) к концу. Ловко его обкарнали: вся 8-я глава – (культ) выпадает. Зато формулировки всюду нивелированы, уточнены, политически заострены²⁰. Видна рука Шляева, Потапова (спасибо им) и др. неведомых мне авторов. Теперь сам читаю рукопись с интересом и удовольствием, очень уж материал выигрышен!».

1 апреля 1937 г.: «...Потапов так тщательно продвигавший свои материальные интересы и «редакторские»²¹. [...] «Ушел из музея в больших размышлениях. Готов был даже подать заявление об уходе! Дома Вилли не было (у них в парторганизации все продолжаются прения по Пленуму ЦК – в каждом № газеты все новый материал. Теперь – заключит[ельное] слово Сталина). Сидел, дорабатывал с трудом рукопись, вставляя в нее небольшие кусочки (так надоело к ней возвращаться вновь и вновь!)».

2 апреля 1937 г.: «Окончил правку «Бурх[анизма] – сдал Потапову».

Из переписки Данилина и Никульковой (редактор из ОГИЗ) за 1936–1937 гг. видно, что уже готовая рукопись отправлялась вновь и вновь на доработку после получения новых рецензий. Затем Данилин решает писать рецензию на рецензию, чтобы хоть немного ускорить процесс публикации.

В 1937 г. Данилин получает гранки книги (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 16). Но это еще не был повод для радости... Находились все новые и новые причины отказа в публикации текущей версии. Книга передавалась в другие издательства. Последним пристанищем был Московский ОГИЗ, где она уже и была снята с производства. Только спустя 56 лет «Бурханизм» выйдет в Горно-Алтайске в сокращенном варианте (см. рецензию: Функ 1995).

Однако трагическая смерть Данилина и поздняя публикации его *magnum opus* не остановили дискуссий возле сложной и по-настоящему уникальной истории бурханизма. В завершение этой части мы хотели бы сделать небольшой обзор тех дискуссий, которые развернулись во

второй половине XX в. и в которых материалы и публикации А.Г. Данилина сыграли существенную роль.

К теме бурханизма в советской этнографии вернулись только в самом конце 1970-х. Имеются в виду, прежде всего, два основных подхода, сформированных Андреем Марковичем Сагалаевым и Людмилой Ивановной Шерстовой. Оба – выпускники Томского университета, проходившие обучение в аспирантуре в Ленинграде и проведшие немало часов с архивными материалами Данилина. Если Сагалаев обращает пристальное внимание на ритуальные практики бурханистов и комплекс ритуальных предметов, отстаивая концепцию бурханизма как религиозного синcretизма в рамках того, что было описано и проанализировано Данилиным, то Шерстова (см.: Шерстова 2010), на фоне роста теории этноса и нового витка теоретизации этногенеза, предлагает смотреть на это движение как на процесс формирования этноконфессиональной общности алтайцев. Эти два направления в той или иной мере стали основными в исторических интерпретациях бурханизма.

Современный алтайский этнограф Надежда Алексеевна Тадина несколько расширяет их, предлагая анализ бурханистского этикета и шире – онтологий и космологий, которые определяют социальные и культурные практики современных алтайцев (Тадина 2011).

Наконец, алтайские историки проделывают огромную работу по реконструкции биографий жертв сталинского террора, направленного против шаманов и *јарлыкчылар* (Екеев 2004).

За пределами советских / российских дискуссий бурханизм нашел своё место в череде работ по индейским «ревитализационным движениям» против колониального доминирования, анализ которых проводился внутри направления «Культура и личность», оформленвшегося в годы холодной войны (Wallace 1956), а также темы аккультурации, которая начала оформляться до Второй мировой войны в противопоставлении боасовской антропологии. По приглашению Энтони Уоллеса (Anthony Wallace) для специального выпуска в *American Anthropologist* небольшую заметку написал американский антрополог-марксист Лорренс Крадер (Lawrence Krader) (1956), который пристально изучал советскую литературу по Сибири (преимущественно по тюркоязычным группам) и Центральной Азии. Это была первая англоязычная антропологическая публикация о бурханизме²².

Помимо этого, отметим, что во время холодной войны, тема бурханизма время от времени появлялась на страницах книг по истории России. Так, Вальтер Коларц (Walter Kolarz) в своей книге *The Peoples of the Soviet Far East* (Kolarz 1954: 173) возвращается к японской теме бурханизма. Для антропологов же, интересовавшихся коренными группами населения, становилось понятно, что бурханизм – это лишь одно из проявлений целого круга движений среди коренного населения на

Севере, в Сибири и в Северной Америке. Некоторые стали писать о такого рода движениях как о «кризисных культурах» (La Barre 1971). Энтони Смит (Anthony Smith), формируя свою вызывавшую острую критику концепцию национализма, писал и о бурханизме со ссылкой на Коларц, пытаясь поставить его в один ряд с миллениализмом и карго-культами (Smith 1979: 20). Американский историк и антрополог Андрей Знаменский в своей работе провел сравнительный анализ Алтая и Аляски с точки зрения взаимовлияний шаманства и христианства, где бурханизм был одним из наиболее показательных примеров (Znamenski 1999). Лингвист Евгений Головко и антрополог Петер Швайтцер (Peter Schweitzer), пытаясь обобщить все эти движения, пишут, «...можно выделить набор условий, которые благоприятствуют появлению социальных движений, обладающих ревитализационным потенциалом: сильное внешнее давление (как правило, быстрая и жесткая колонизация); резкое изменение социального статуса всех членов конкретного сообщества; разрушение традиционного образа жизни и утрата традиционных ценностей; огромное число событий, не отмеченных в предыдущем опыте; хотя бы поверхностная миссионерская деятельность и – как следствие всего перечисленного – угроза потери идентичности, вызывающая в конкретном сообществе глубокий психологический стресс» (Головко, Швайтцер 2006: 104–105). Описания Данилина в этом оркестре ревитализационных движений играют одну из важнейших ролей. Его материалы по истории бурханизма постепенно интегрируются в глобальные антропологические контексты, выходя далеко за пределы его «архивов».

Эпилог

Лидия Данилина: Архив отца – это самое долгое и самое увлекательное чтение в моей жизни. Читая его дневник день за днем, я проживаю его эмоции, мысли заново. Узнаю его. Время в этот момент исчезает. Он рядом. И я тоже вместе с ним становлюсь этнографом, который готовится к поездке «в поле», становлюсь архивариусом, который хранит каждый лист своих рукописей. Мост между нами – не столько время, сколько эти пожелтевшие листы. Я благодарна ему, что он смог все это записать и сохранить. И особенно трогательно сейчас читать, что он написал для меня – будущего читателя его дневников...

Дмитрий Арзютов: Архив Данилина для меня несколько больше, чем то, что мы здесь постарались описать. Он – одна из навигационных карт как в истории советской этнографии, так и в истории алтайцев (хотя в какой-то мере также и дагестанцев, вепсов, русских и других групп, с кем Андрею Григорьевичу удалось работать). Однако архивы этнографа, которые мы здесь постарались собрать вместе, – это особен-

ный вид архивов. Здесь перед исследователем открывается несколько взаимопересеченных полей, через которые, как и в этнографическом «поле», читатель разгадывает смыслы и действия своих героев, которые в свою очередь теряют бинарность объекта и субъекта. Жизнь Данилина оказывается горизонтально связанной с жизнью его полевых друзей и музейных коллег. Множественность локальностей здесь, напротив, соединяется, образуя плотную сеть отношений, объективированных и материализованных посредством писем, дневниковых записей, фотографий и разных вырезок и мелких документов. Именно это и есть предложенная нами в начале статьи этнография этнографа, наблюданная во временной дистанции.

Примечания

¹ Здесь и далее все иллюстрации – из личного архива Лидии Андреевны Данилиной.

² В архиве С.Ф. Ольденбурга сохранилось несколько писем от А.Г. Данилина за период с 1923 по 1927 г., написанных из Москвы, Ленинграда, улуса Черга (Ойротия). К ним также приложены и фотографии (СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 182).

³ Имеется в виду известный путешественник и востоковед Петр Кузьмич Козлов (1863–1935).

⁴ Возможно, имеет смысл сравнивать эту инициативу с Бюро Американской этнологии (*Bureau of American Ethnology*), основанным в 1879 г.

⁵ В МАЭ сохранились фотографии и вещи из той экспедиции (см. ниже). В Санкт-Петербургском филиале архива РАН сохранились полевые материалы этой экспедиции: общий этнографический очерк дидойцев (написан Клавдией и Лидией Эдуардовной), отчет об экспедиции, полевой дневник А.Г. Данилина и записи фольклора в ауле Кидеро. Общий объем записей 112 листов (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 100). Из этого же аула А.Г. Данилин и Л.Э. Каруновская 27 июля 1926 г. пишут письмо Л.Я. Штернбергу (СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 88).

⁶ В Санкт-Петербургском филиале архива РАН сохранились четыре письма, одна записка и несколько фотографий А.Г. Данилина к Д.К. Зеленину, отправленные из Москвы, Алма-Аты, Дупли и Рождественского района (1925–1930 гг.) (СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 149).

⁷ Так как авторство фотографий архивистами однозначно не установлено, то настоящее указание носит скорее предположительный характер, основанный на совпадении времени и места, когда проводил свои полевые исследования А.Г. Данилин. Благодаря помощи нашей коллеги С.В. Подрезовой, нам удалось установить, что в одном из дел в собрании научного архива РГО имеется фотография А.Г. Данилина, записывающего фоновалик у вепсов во время экспедиции 1928 г. (см.: НА РГО. Р. 112. Оп. 1. Ед. хр. 575).

⁸ История покупки архива Л.Г. Моргана, дипломатические отношения между советской и американской антропологиями и роль Б. Штерна в этом описаны: (Kan and Arzyutov 2016).

⁹ Имеется в виду Лидия Андреевна Данилина – дочь и соавтор настоящей статьи.

¹⁰ По всем таблицам дана в современная географическая локализация.

¹¹ Часть негативов переснята с журнала «СССР на стройке» (1931 № 6) и добавлена в настоящую коллекцию.

¹² Материалы этой коллекции использовал Д.А. Функ при написании статьи по плетению у телеутов (см.: (Функ 2007)).

¹³ Примером для сравнения могли бы быть дневники директора Архива Академии наук СССР Георгия Алексеевича Князева, который вел свой личный дневник всю жизнь, видя в этом, как и Данилин, формирование исторического источника (Князев 2009).

¹⁴ Аналогичный подход к личному дневнику зафиксировал историк этнографии Сергей Сергеевич Алымов, работая с дневником Николая Михайловича Могилянского – этнографа, одного из создателей теории этноса.

¹⁵ См.: <http://musey-anohina.ru/index.php/ru/posetitelyam/150-let-anokhinu-a-v-v-2019-g/item/809-arkhiv-a-v-anokhina-problemy-izucheniya>

¹⁶ Дмитрий Арзютов готовит к печати подробную работу о личности Кондрата Танашева, снабженную также корпусом его писем и документов, обнаруженных в нескольких архивах.

¹⁷ Нам не удалось найти подобных сведений об этом адресате. Отметим лишь, что, просматривая подшивку газеты «Ойротский край», нам встречалась фамилия Давидович как одного из журналистов газеты.

¹⁸ Несмотря на многочисленные письма друг к другу, в фонде А.М. Панкратовой в Архиве РАН в Москве (АРАН. Ф. 697) писем к / от Данилина не сохранилось.

¹⁹ Примечательно, что он путает «национально-освободительное» и «национально-буржуазное».

²⁰ Отметим, что Потапов активно продвигал также и «японофильскую» версию бурханизма (Потапов 1933: 184–187; см.: Тюхтенева 2005).

²¹ Трудно однозначно сказать, что именно имел в виду Данилин под «материальными интересами» Потапова. Мы можем лишь предположить, что речь идет о политической позиции Леонида Павловича, которая, впрочем, давала ему возможности, в том числе и карьерного роста внутри Государственного музея этнографии народов СССР (нынешний РЭМ). В каком-то смысле эта позиция казалась и самому Данилину «правильной», что заметно в его записях о важности «политической заостренности» в его исследовании. Работая с текстом, рукописи, он, как мы уже отмечали, постоянно натыкался на несовпадение, пусть и важных для него политических конструкций, с собственным полевым материалом.

²² В 1963 г. в Университете Аризоны была защищена магистерская диссертация *The growth of ethnic identity among the western Mongols*, написанная Барбарой Боулс (Barbara Bowles), в которой бурханизм рассматривался как секулярный национализм ойратов.

Литература

- «...твои письма – документ незабываемого времени...» Из эпистолярного наследия Е.Э. Бломквист. 1942–1945 / подг. текста, предисл., комм. Е.Н. Груздевой. СПб.: Реноме, 2013.
- Андреев А.И., Юсупова Т.И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова 1923–1926 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 2. С. 51–74.
- Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Сборник МАЭ. Л., 1924. Т. 4, вып. 2.
- Батьянова Е.П. Алтайская этнография в письмах // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2020. № 1 (42). С. 99–111.
- Батьянова Е.П. Телеутская версия бурханизма // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 70–85.
- Бурханизм – Ак жанг: документы и материалы: (к 110-летию событий в долине Теренг) / отв. ред. Н.В. Екеев. Горно-Алтайск: ЮЧ-Сюмер – Белуха, 2004.
- Василевич Г.М. Автобиографии эвенков // Советская этнография. 1938. № 1. С. 73–75.
- Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. М.: Наука, 1975.
- Головко Е.В., Швайцер П. Эскимосские «попы» поселка Наукан: об одном случае revitalization movement на Чукотке // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. С. 102–115.

- Данилин А.Г. Государственный Музей Центральной Промышленной области и его этнографическая работа // Этнография. 1926а. № 1–2. С. 271–272.
- Данилин А.Г. Общество исследователей Рязанского края // Этнография. 1926б. № 1–2. С. 290.
- Данилин А. Музыкально-этнографическая работа в Дагестане // Этнография. 1926в. № 1–2. С. 306–307.
- Данилин А. Государственный институт музыкальных наук (ГИМН) // Этнография. 1927а. № 1. С. 212.
- Данилин А.Г. Крестьянская одежда района Богословщины Рязанской губернии // Труды общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1927б. Вып. 9. С. 19–22.
- Данилин А. Комиссия по изучению народной музыки при Русском географическом обществе // Этнография. 1928а. № 1. С. 130–131.
- Данилин А.Г. Приспособление для сноповой сушки хлеба у восточных славян и их соседей // Этнография. 1928б. № 2. С. 68–90.
- Данилин А.Г. Из опыта ленинградских этнографов (разряд этнографии ГАИМК после реорганизации) // Этнография. 1930а. № 4. С. 81–85.
- Данилин А.Г. Черты кочевого быта алтайцев (из впечатлений этнографической поездки на Алтай) // Безбожник. 1930б. № 11. С. 10–11.
- Данилин А.Г. Группа по изучению опыта колхоза ИПИН // Советская этнография. 1931а. № 1–2. С. 161–162.
- Данилин А. Краевой музей горных народов Северо-Кавказского края // Советская этнография. 1931б. № 3–4. С. 219–222.
- Данилин А.Г. Первые шаги колхозов бывш[его] Боровичского округа // Труд и быт в колхозах: из опыта изучения колхозов. Сб. 1: Из опыта изучения колхозов в Ленинградской области, Белоруссии и Украине. Л.: АН СССР, 1931в. С. 9–71.
- Данилин А.Г. Тульский Краеведческий музей и его этнографическая работа // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 216–217.
- Данилин А.Г. Бурханизм на Алтае и его контрреволюционная роль // Советская этнография. 1932а. № 1. С. 63–91.
- Данилин А. Этнографическая работа Брянского музея // Советская этнография. 1932б. № 5–6. С. 213–216.
- Данилин А.Г. Секция этнографии Всесоюзного Географического съезда // Советская этнография. 1933. № 2. С. 113–117.
- Данилин А.Г. Два письма Н.Я. Марра // Советская этнография. 1936а. № 4–5. С. 219–222.
- Данилин А.Г. Из истории национально-освободительного движения на Алтае в 1916 г. // Борьба классов. 1936б. № 9. С. 36–44.
- Данилин А.Г. Опыт работы с национальной ойротской песней // Советская музыка. 1936в. № 12. С. 49–52.
- Данилин А.Г. Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993.
- Данилина К. Изучение труда и быта аджарок // Советская этнография. 1932. № 5–6. С. 228–231.
- Доронин Д.Ю. Что опять не так с «алтайской принцессой»? Новые факты из ньюслорной биографии Ак Кадын // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 74–104. DOI: 10.17223/2312461X/11/7
- Дьяконова В.П. Предисловие // Данилин А.Г. Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. С. 5–14.
- Князев Г.А. Дни великих испытаний: дневники, 1941–1945. СПб.: Наука, 2009.
- Петряшин С.С. Соцреализм и этнография: изучение и презентация советской современности в этнографическом музее 1930-х гг. // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 143–175. DOI: 10.31250/1815-8870-2018-14-39-143-175
- Потапов Л.П. Очерк истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. Ново-сибирск: ОГИЗ, 1933.

- Потапов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969.
- Ревуненкова Е.В.* ...Судьбы скрещеня (из жизни исследователей и собирателей индонезийских коллекций) // Музейные коллекции и современная культура народов Индонезии, Малайзии, Филиппин, Океании / Сборник МАЭ Т. LXV. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 171–204.
- Решетов А.М.* «Работала не награды ради». Памяти Л.Э. Каруновской // Этнография, история, культура стран Южных морей: Маклаевские чтения 1995–1997 гг. СПб., 1997. С. 233–244.
- Решетов А.М.* В.А. Чатопадая: индийский революционер и советский этнограф: к 60-летию со дня гибели // Кюнеровские чтения 1995–1997 гг.: краткое содержание докладов. СПб.: МАЭ РАН, 1998. С. 148–151.
- Решетов А.М.* Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы. Вып. 2 / сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2003. С. 147–192.
- Сагалаев А.М.* Алтай в зеркале мифа. Новосибирск: Наука, 1992.
- Сагалаев А.М.* Мифология и верования алтайцев: Центрально-азиатские влияния. Новосибирск: Наука, 1984.
- Стебницкий С.Н.* Автобиография нымыланов // Советская этнография. 1938. № 1. С. 76–79.
- Тадина Н.А.* Бурханизм и этикет у алтайцев // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 127–140.
- Тадыев П.Е.* Реакционная сущность шаманизма и бурханизма. Горно-Алтайск: Книжное издательство, 1955.
- Тан [Богораз] В.Г.* Новый этап // Революция в деревне. Очерки / под ред. В.Г. Тан-Богораз. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. Вып. 2. С. 3–24.
- Тюхтенева С.П.* «Японский след» в алтайском бурханизме: вымысел или реальность? // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 65–69.
- Функ Д.А.* Рецензия на: А.Г. Данилин. Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения. Горно-Алтайск, 1993. 206 с. // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 171–173.
- Функ Д.А.* О методике описания техники плетения из кожи // Расы и народы. М.: Наука, 2007. Вып. 33. С. 260–276.
- Хохолков В.* Сокровищница духовной культуры алтайцев (о научном наследии А.В. Анохина) // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1989. С. 116–124.
- Шерстова Л.И.* Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск: Томский государственный университет, 2010.
- Arzyutov D.V.* Voices of the Land, Samizdat, and Visionary Politics: On the Social Life of Altai Narratives. // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2018. Vol. 57 (1). P. 38–81. DOI: 10.1080/10611959.2018.1470426
- Arzyutov D.V., Kan S.A.* The Concept of the ‘Field’ in Early Soviet Ethnography: A Northern Perspective // Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies. 2017. Vol. 16 (1). P. 31–74. DOI: 10.3167/sib.2017.160103
- Baruwā N.K.* Chatto, the Life and Times of an Indian Anti-Imperialist in Europe. Oxford University Press, 2004.
- Broz L.* The Spirit of Explanation: invisible causes of visible disasters in the Altai Republic. PhD Thesis. Cambridge: University of Cambridge, 2008.
- Burch E.S., Jr.* The Method of Ethnographic Reconstruction // Alaska Journal of Anthropology. 2010. Vol. 8 (2). P. 133–140.
- Fenton W.N.* The Training of Historical Ethnologists in America // American Anthropologist. 1952. Vol. 54 (3). P. 328–39.

- Fitzpatrick S.* Suplicants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55 (1). P. 78–105. DOI: 10.2307/2500979
- Halfin I.* Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2003.
- Halfin I.* Red Autobiographies: Initiating the Bolshevik Self. Seattle: University of Washington Press, 2011.
- Hellbeck J.* Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2006.
- Jager J.* Wilhelmina Triesman (1901–1982). Een Nederlandse in Leningrad. Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2012.
- Kan S., Arzyutov D.* The saga of the L.H. Morgan Archive, or how an American Marxist helped make a bourgeois anthropologist the cornerstone of Soviet ethnography // *Local Knowledge, Global Stage / ed. by R. Darnell, F.W. Gleach*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2016. P. 149–220. (*Histories of Anthropology Annual*. Vol. 10). DOI: 10.2307/j.ctt1dxg7dv.10
- Kolarz W.* The Peoples of the Soviet Far East. New York: Frederick A. Praeger, 1954.
- Krader L.* A Nativistic Movement in Western Siberia // *American Anthropologist*. 1956. Vol. 58 (2). P. 282–92. DOI: 10.1525/aa.1956.58.2.02a00050
- La Barre W.* Materials for a History of Studies of Crisis Cults: A Bibliographic Essay // *Current Anthropology*. 1971. Vol. 12 (1). P. 3–44. DOI: 10.1086/201167
- Pinsky A.* The Diaristic Form and Subjectivity under Khrushchev // *Slavic Review*. 2014. Vol. 73 (4). P. 805–27. DOI: 10.5612/slavicreview.73.4.805
- Smith A.D.S.* Nationalism in the Twentieth Century. Canberra: Australian National University Press, 1979.
- Wallace A.F.C.* Revitalization Movements // *American Anthropologist*. 1956. Vol. 58 (2). P. 264–81. DOI: 10.1525/aa.1956.58.2.02a00040
- Znamenski A.A.* Shamanism and Christianity: Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917. Westport, CT: Greenwood Press, 1999.

Статья поступила в редакцию 24 августа 2020 г.

Arzyutov Dmitry V. and Danilina Lidiya A.

‘ETHNOGRAPHY OF AN ETHNOGRAPHER’: ANDREI G. DANILIN AND HIS ARCHIVES*

DOI: 10.17223/2312461X/30/14

Abstract. This article explores the life and works of Soviet ethnographer Andrei Grigor'evich Danilin (1896–1942). Drawing on the collections of his documents scattered across a number of archives, institutions and places, the authors aim to reconstruct Danilin's personal, intellectual and ‘field’ life histories. They further recreate the context in which the ethnographer's archives were formed, including his relationships with scholars, relatives, fieldwork partners, state bodies, and even material objects. The polyphony of the discovered documents and the personal ties that bind Danilin and the coauthor Lidiya A. Danilina (Danilin's daughter) allow us to consider our experiment as a historical ethnography with some elements of ‘participant observation’ and call the combination of these two dimensions – the archival and the personal – ‘an ethnography of an ethnographer’.

Keywords: Soviet ethnography, Andrei Danilin, Burkhanism, archive

* We would like to thank the following colleagues of ours for their helpful comments on this manuscript: Sergey Sergeevich Alymov (Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences), Tatiana Nikolaevna Dmitrieva (State Museum of the History of Religion), Dmitriy Yurievich Doronin (Russian Presidential Academy of National Economy and

Public Administration), Anna Nikolaevna Kopaneva (Russian Museum of Ethnography), Svetlana Viktorovna Podrezova (Institute of Russian Literature (Pushkin House)), and Dmitriy Anatolievich Funk (Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences).

References

- "... *tvoi pis'ma – dokument nezabyvaemogo vremeni...*" *Iz epistoliarnogo naslediiia E.E. Blomkvist. 1942-1945.* [“Your letters are the document of the unforgettable times...”] From the epistolary legacy of E.E. Blomkvist. 1942–1945]. Podg. teksta, predisl., komm. E.N. Gruzdevoi. Saint Petersburg.: Renome, 2013.
- Andreev A.I., Iusupova T.I. *Istoriia odnogo ne sovsem obychnogo puteshestviia: Mongolo-Tibetskaia ekspeditsiia P. K. Kozlova 1923–1926 gg.* [A history of one not quite ordinary journey: The 1923–1926 P.K. Kozlov expedition to Mongolia and Tibet], *Voprosy istorii estestvoznaniiia i tekhniki*, 2002, no. 2, pp. 51–74.
- Anokhin A.V. *Materialy po shamanstvu u altaitsey, sobrannye vo vremia puteshestvii po Altaiu v 1910–1912 gg. po porucheniu Russkogo Komiteta dlia izucheniiia Srednei i Vostochnoi Azii* [Materials on the Altai shamanism collected during the 1910–1912 journey to Altai]. MAE Collection. Leningrad, 1924. Vol. 4. Iss. 2.
- Bat'ianova E.P. *Altaiskaia etnografia v pis'makh* [Altai ethnography in letters], *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2020, no 1 (42), pp. 99–111.
- Bat'ianova E.P. *Teleutskaia versiia burkhanizma* [The Teleut version of Burkhanism], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2005, no. 4, pp. 70–85.
- Burkhanizm – Ak jang: dokumenty i materialy: (k 110-letiiu sobytii v doline Tereng). [Burkhanism – Ak jang: Documents and materials]. Ed. by N.V. Ekeev. Gorno-Altaisk: Iuch-Siumer – Belukha, 2004.
- Vasilevich G.M. *Avtobiografiia evenkov* [Evenki autobiographies], *Sovetskaya etnografia*, 1938, no. 1, pp. 73–75.
- Gagen-Torn N.I. *Lev Iakovlevich Shternberg* [Lev Yakovlevich Shternberg]. Moscow: Nauka, 1975.
- Golovko E.V., Shvaitser P. *Eskimosskie “popы” poselka Naukan: ob odnom sluchae revitalization movement na Chukotke* [The Eskimo ‘popes’ in the Naukan settlement: On one case of the revitalisation movement in Chukotka]. In: *Sny Bogoroditys. Issledovaniia po antropologii religii*. Saint Petersburg.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2006, pp. 102–115.
- Danilin A.G. *Gosudarstvennyi Muzei Tsentral'noi Promyshlennoi oblasti i ego etnograficheskaiia rabota* [The State Museum of the Central Industrial Region and its ethnographic work], *Etnografija*, 1926a, no. 1-2, pp. 271–272.
- Danilin A.G. *Obshchestvo issledovatelei Riazanskogo kraia* [The Society of Scholars of Ryazan Oblast], *Etnografija*, 1926b, № 1-2, p. 290.
- D[anili]n A. *Muzikal'no-ethnograficheskaiia rabota v Dagestane* [An ethnomusicology study in Dagestan], *Etnografija*. 1926c, no. 1-2, pp. 306–307.
- D[anili]n A. *Gosudarstvennyi institut muzikal'nykh nauk (GIMN)* [The State Institute for Musicology], *Etnografija*. 1927a, no. 1, p. 212.
- Danilin A.G. *Krest'ianskaia odezhda raiona Bogoslovshchiny Riazanskoi gubernii* [Peasant clothes in the Bogoslovshchina area of Ryazan Oblast], In: *Trudy obshchestva issledovatelei Riazanskogo kraia. Vyp. 9.* Riazan', 1927b, p. 19–22.
- D[anili]n A. *Komissiia po izucheniiu narodnoi muzyki pri Russkom geograficheskom obshchestve* [The Commission for Folk Music Research at the Russian Geographical Society], *Etnografija*, 1928a, no. 1, pp. 130–131.
- Danilin A.G. *Prisposoblenie dlia snopovoi sushki khleba u vostochnykh slavian i ikh sosedei* [A tool for a sheaf way of grain drying among the East Slavs and their neighbours], *Etnografija*, 1928b, no. 2, pp. 68–90.

- [Danilin A.G.] Iz optya leningradskikh etnografov (razriad etnografii GAIMK posle reorganizatsii) [Experience of Leningrad ethnographers (The Ethnography Department at the GAIMK after the reorganisation)], *Etnografiia*, 1930a, no. 4, pp. 81–85.
- Danilin A.G. Cherty kochevogo byta altaitev (iz vpechatlenii etnograficheskoi poezdki na Altai) [Some features of the Altai nomadic way of living (An ethnographic trip to Altai: Impressions)], *Bezbozhnik*, 1930b, no. 11, pp. 10–11.
- Danilin A.G. Gruppa po izucheniiu optya kolkhoza IPIN [The Collective Farm Research Unit at the IPIN], *Sovetskaia etnografiia*, 1931a, no. 1-2, pp. 161–162.
- D[anili]n A. Kraevoi muzei gornykh narodov Severno-Kavkazskogo Kraia [The peoples of the North Caucasus local museum], *Sovetskaia etnografiia*, 1931b, no. 3-4, pp. 219–222.
- Danilin A.G. Pervye shagi kolkhozov byvsh[ego] Borovichskogo okruga [Initial development of collective farms in the former Borovichi area] In: *Trud i byt v kolkhozakh: iz optya izucheniiia kolkhozov* [Living and working on collective farms: A research perspective]. Sb. 1: Iz optya izucheniiia kolkhozov v Leningradskoi oblasti, Belorussii i Ukraine. Leningrad: AN SSSR, 1931c, pp. 9–71.
- Danilin A.G. Tul'skii Kraevedcheskii muzei i ego etnograficheskaiia rabota [The Tula Ethnographic Museum and its ethnographic work], *Sovetskaia etnografiia*, 1931d, no. 3-4, pp. 216–217.
- Danilin A.G. Burkhanizm na Altae i ego kontrrevoliutsionnaia rol' [Burkhanism in Altai and its counter-revolutionary role], *Sovetskaia etnografiia*, 1932a, no. 1, pp. 63–91.
- Danilin A. Etnograficheskaiia rabota Brianskogo Muzeia [The ethnographic work of the Briansk Museum], *Sovetskaia etnografiia*, 1932b, no. 5-6, pp. 213–216.
- Danilin A.G. Sektsiiia etnografi Vsesoiuznogo Geograficheskogo S"ezda [The session on ethnography at the All-Union Geography Conference], *Sovetskaia etnografiia*, 1933, no. 2, pp. 113–117.
- Danilin A.G. Dva pis'ma N.Ia. Marra [Two letters of N.Ya. Marr], *Sovetskaia etnografiia*, 1936a, no. 4-5, pp. 219–222.
- Danilin A.G. Iz istorii natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniiia na Altae v 1916 g. [On the history of the national liberation movement in Altai, 1916], *Bor'ba klassov*, 1936b, no. 9, pp. 36–44.
- Danilin A.G. Opty raboty s natsional'noi oirotskoi pesnei [Exploring the Oirot national songs], *Sovetskaia muzyka*, 1936c, no. 12, pp. 49–52.
- Danilin A.G. *Burkhanizm. Iz istorii natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniiia* [Burkhanism. On the history of the national liberation movement]. Gorno-Altaisk: Ak-Chechek, 1993.
- Danilina K. Izuchenie truda i byta adzharok [Adjar women: A study of their occupations and everyday life], *Sovetskaia etnografiia*, 1932, no. 5-6, pp. 228–231.
- Doronin D.Iu. Chto opiat' ne tak s "altaiskoi printsessoi"? Novye fakty iz n'iusrornoi biografi Ak Kadyn [What is wrong again with the 'Altai princess'? New facts from the newslore biography of Ak Kadyn], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2016, no. 1, pp. 74–104. <https://doi.org/10.17223/2312461X/117>
- D'jakonova V.P. Predislovie [Preface]. In: Danilin A.G. *Burkhanizm. Iz istorii natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniiia* [Burkhanism. On the history of the national liberation movement]. Gorno-Altaisk: Ak-Chechek, 1993, pp. 5–14.
- Kniazev G.A. *Dni velikikh ispytanii: dnevники, 1941–1945* [Days of great ordeal: Diaries, 1941–1945]. Saint Petersburg.: Nauka, 2009.
- Petriashin S.S. Sotsrealizm i etnografiia: izuchenie i reprezentatsii sovetskoi sovremennosti v etnograficheskikh muzee 1930-kh gg. [Socialist realism and ethnography: The study and representation of the Soviet in ethnographic museums in the 1930s], *Antropologicheskii forum*, 2018, no. 39, pp. 143–175. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-39-143-175>.
- Potapov L.P. *Ocherk istorii Oirotii. Altaitsy v period russkoi kolonizatsii* [A study on the history of Oirotia: Altaians during the Russian colonisation]. Novosibirsk: OGIZ, 1933.

- Potapov L.P. *Etnicheskii sostav i proiskhozhdenie altaitsev. Istoriko-etnograficheskii ocherk* [The ethnic composition and origins of Altaians. A historical and ethnographic study]. Leningrad: Nauka, 1969.
- Revunenкова E.V. ...Sud'by skreshchen'ia. (iz zhizni issledovatelei i sobiratelei indoneziiskikh kollektsov) [... The fate's interlacing patterns (On the lives of scholars and collectors of Indonesian collections)]. In: *Muzeiniye kollektsvi i sovremennoi kul'tura narodov Indonezii, Malaizii, Filippin, Okeanii* / Sbornik MAE T. LXV. Saint Petersburg.: MAE RAN, 2018, pp. 171–204.
- Reshetov A.M. “Rabotala ne nagrady radi?”. Pamiati L.E. Karunovskoi [‘[She] worked not for the sake of reward’. In memory of L.E. Karunovskaya] In: *Etnografija, istorija, kul'tura stran Iuzhnykh morej: Maklaevskie chtenia 1995–1997 gg.* Saint Petersburg, 1997, pp. 233–244.
- Reshetov A.M. V.A. Chatopadaia: indiiskii revoliutsioner i sovetskii etnograf. k 60-letiu s dnia gibeli [V.A. Chattopadhyaya: An Indian revolutionary and Soviet ethnographer. 60 years after his murder]. In: *Kiunakovskie chtenia 1995–1997 gg.: kratkoe soderzhanie dokladov.* Saint Petersburg.: MAE RAN, 1998, pp. 148–151.
- Reshetov A.M. Tragediia lichnosti: Nikolai Mikhailovich Matorin [The tragedy of personality: Nikolai Mikhailovich Matorin]. In: *Repressirovannye etnografy.* Vol. 2. Compiled by D.D. Tumarkin. Moscow: Vostochnaia literatura, 2003, pp. 147–192.
- Sagalaev A.M. *Altai v zerkale mifa* [Altai in the myth's mirror]. Novosibirsk: Nauka, 1992.
- Sagalaev A.M. *Mifologija i verovaniia altaitev: Tsentral'no-aziatskie vliianija* [Mythology and beliefs of Altaians: Central Asian influences]. Novosibirsk: Nauka, 1984.
- Stebnitskii S.N. Avtobiografija nymylanov [Nymylan autobiographies], *Sovetskaia etnografija*, 1938, no. 1, pp. 76–79.
- Tadina N.A. Burkhanizm i etiket u altaitev [Burkhanism and the etiquette among the Altaians], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2011, no. 6, pp. 127–140.
- Tadyev P.E. *Reaktsionnaia sushchnost' shamanizma i burkhanizma* [The reactionary nature of Shamanism and Burkhanism]. Gorno-Altaisk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1955.
- Tan [Bogoraz] V.G. Novyi etap [The new stage] In: *Revoliutsiia v derevne. Ocherki.* Ed. by V.G. Tan-Bogoraz. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925, vol. 2, pp. 3–24.
- Tiukhteneva S.P. “Iaponskii sled” v altaiskom burkhanizme: vymysel ili real'nost? [The Japanese in Altaian Burkhanism: Fiction or reality?], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2005, no. 4, pp. 65–69.
- Funk D.A. Retsenziia na: A.G. Danilin. Burkhanizm. Iz istorii natsional'no-ovsoboditel'nogo dvizheniiia. Gorno-Altaisk, 1993. 206 s. [Review of A.G. Danilin. Burkhanism. On the history of the national liberation movement. Gorno-Altaisk, 1993. 206 p.], *Etnograficheskoe obozrenie*, 1995, no. 4, pp. 171–173.
- Funk D.A. O metodike opisanija tekhniki pleteniiia iz kozhi [On the methods of describing leather weaving techniques] In: *Rasy i narody.* Vol. 33. Moscow: Nauka, 2007, pp. 260–276.
- Khokholkov V. Sokrovishchitsa dukhovnoi kul'tury altaitev (o nauchnom nasledii A.V. Anokhina) [Treasures of the Altai spiritual culture (On the research legacy of A.V. Anokhin)] In: *Fol'klornoe nasledie Gornogo Altaia.* Gorno-Altaisk, 1989, pp. 116–124.
- Sherstova L.I. *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: The origin of ethnos and religion]. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2010.
- Arzyutov D.V. Voices of the land, samizdat, and visionary politics: On the social life of Altai narratives. *Anthropology & Archeology of Eurasia*, 2018, vol. 57(1), pp. 38–81. <https://doi.org/10.1080/10611959.2018.1470426>.
- Arzyutov D.V., Kan S.A. The concept of the ‘field’ in early Soviet ethnography: A Northern perspective. *Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*, 2017, vol. 16(1), pp. 31–74. <https://doi.org/10.3167/sib.2017.160103>.

- Baruwā N.K. *Chatto, the life and times of an Indian anti-imperialist in Europe*. Oxford University Press, 2004.
- Broz L. *The Spirit of explanation: Invisible causes of visible disasters in the Altai Republic*, PhD Thesis, Cambridge: University of Cambridge, 2008.
- Burch E.S., Jr. The method of ethnographic reconstruction, *Alaska Journal of Anthropology*, 2010, vol. 8 (2), pp. 133–140.
- Fenton W.N. The training of historical ethnologists in America, *American Anthropologist*, 1952, vol. 54(3), pp. 328–39.
- Fitzpatrick S. Supplicants and citizens: Public letter-writing in Soviet Russia in the 1930s, *Slavic Review*, 1996, vol. 55(1), pp. 78–105. <https://doi.org/10.2307/2500979>.
- Halfin I. *Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2003.
- Halfin I. *Red Autobiographies: Initiating the Bolshevik Self*. Seattle: University of Washington Press, 2011.
- Hellbeck J. *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2006.
- Jager J. *Wilhelmina Triesman (1901–1982). Een Nederlandse in Leningrad*. Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2012.
- Kan S., Arzyutov D. The saga of the L.H. Morgan Archive, or how an American Marxist helped make a bourgeois anthropologist the cornerstone of Soviet ethnography In: *Local Knowledge, Global Stage* / Ed. by R. Darnell, F.W. Gleach. Lincoln: University of Nebraska Press, 2016. P. 149–220. (Histories of Anthropology Annual, Vol. 10). <https://doi.org/10.2307/j.ctt1dxg7dv.10>
- Kolarz W. *The peoples of the Soviet Far East*. New York: Frederick A. Praeger, 1954.
- Krader L. A Nativistic movement in Western Siberia, *American Anthropologist*, 1956, vol. 58(2), pp. 282–92. <https://doi.org/10.1525/aa.1956.58.2.02a00050>
- La Barre W. Materials for a history of studies of crisis cults: A bibliographic essay, *Current Anthropology*, 1971, vol. 12(1), pp. 3–44. <https://doi.org/10.1086/201167>
- Pinsky A. The diaristic form and subjectivity under Khrushchev, *Slavic Review*, 2014, vol. 73(4), pp. 805–27. <https://doi.org/10.5612/slavicreview.73.4.805>.
- Smith A.D.S. *Nationalism in the twentieth century*. Canberra: Australian National University Press, 1979.
- Wallace A.F.C. Revitalization movements, *American Anthropologist*, 1956, vol. 58(2), pp. 264–81. <https://doi.org/10.1525/aa.1956.58.2.02a00040>
- Znamenski A.A. *Shamanism and Christianity: Native encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917*. Westport, CT: Greenwood Press, 1999.